

Мария Вель

Соблазн в деталях
Внимание, контент
18+!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Вель

Соблазн в деталях

Внимание, контент 18+!

<https://litres.ru/73100048>

SelfPub; 2026

Аннотация

Саша вернулся — досрочно, неожиданно, без тёплых объятий и радужных перспектив. Для Евгении его появление — как острый нож: одно неосторожное движение — и снова кровь. Её сын Мишка теперь в центре внимания бывшего, а сама она мечется между чувством вины и страхом: вдруг Саша решит раскрыть их общую тайну — ту, что годами хранилась за семью замками?

Для него возвращение — словно второй срок: дом, где его не ждут, люди, которые не верят, и женщина, которая когда-то была всем, а теперь смотрит с опаской. Он хочет понять, можно ли склеить то, что разбито, но каждый шаг натывается на стену недоверия.

Это история о:

попытке начать сначала, когда прошлое не отпускает;
страхе перед правдой и жажде прощения;
любви, которая выжила, несмотря на сроки и молчание.

Смогут ли они найти слова, чтобы наконец поговорить? Или тайна навсегда останется между ними?

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	177

Мария Вель

Соблазн в деталях

Внимание, контент 18+!

Глава

1

Александр

Необязательно быть лучше всех, достаточно быть лучше, чем вчера.

Джо Фрейзер

– Стас – сифа! – долетает до меня звучное.

Сердце встряхивают грудь, и я машинально оглядываюсь.

По детской площадке с громкими воплями беззаботно носятся пацаны. Им лет по десять: бейсболки, шорты, кроссовки.

Двух сивых шкетов я точно узнаю – братья-близнецы из соседнего подъезда. Когда я видел их в последний раз, они еще даже в школу не ходили, а теперь через слово кроют матом всех и вся.

– Кто сифа?! – кричит один из зазевавшихся пацанов.

– Некич!

– Не ври, сука! Ты не задел! – отпирается галящий.

Я угораю, выпуская из легких сигаретный дым.

В нашем детстве мы так же развлекались во дворе, в школе на переменах. Первую “сифу”, обычно, исподтишка “опускали” кому-нибудь на плечо, и начинался тотальный беспредел.

Там, где я провел четыре последних года, тоже есть свои забавы.

Из наиболее интеллектуальных – нарды. В отличие от карт катать зарики на зоне никто не запрещает. А если карты, то “рамс” – само собой. Тринька, сека, “три листа”...

Но я больше за спортивный азарт от слова “спорт” нежели

“азарт”.

Почти каждый день в качалку ходил.

В камере убого, душно, серо, а там, вроде как, совсем другой мир – пусть и тоже изолированный, но близкий, понятный, душеспасительный.

В тесном помещении с решеткой на окнах худо-бедно была оборудована тренажерка: штанги, турники, гантели, брусья. Пускали туда только за плату или на “льготных” условиях. В колонии я обладал кое-какими привилегиями. Не то что, блядь, теперь...

Запрокинув голову, окидываю взглядом нашу “хрущевку”. Нахожу на пятом окна двушки, наш балкон. На веревках висит белье.

Дома мама – не дома?

Я пытался дозвониться до нее вчера, когда ждал на вокзале свой поезд. Безуспешно.

Форточка закрыта. Вряд ли дома.

Представляя нашу встречу, топчусь возле облупившейся

зеленой скамейки, где стоит моя “пумовская” сумка, и снова достаю пачку синего “Бонда”. Раньше от табака нос воротил, но в тюрьме пристрастился.

Курю, тяну время.

На воле оно как-то иначе ощущается, как и воздух, и небо. Здесь оно не в клеточку, а бескрайнее и голубое-голубое. Сейчас июнь. Пахнет тополями. А еще на воле есть женщины. Что меня особо радует.

Заложив ладонь в карман джинсов, зависаю на идущей по тротуару блондинке в короткой футболке с сотовым возле уха.

– Я так и сказала! А она мне, прикинь, что... – громко отбивает в телефон. Смотря в упор, разглядываю аккуратный пупок. Джинсовая с карманами юбка вполне консервативной длины, но так низко сидит на округлых бедра, что я вижу выпирающие тазовые кости и верхнюю часть женского лобка. Он такой гладкий... Сука! Живот и поясницу моментом кипятком ошпаривает. Хапаю тягу посильнее, и мы с девушкой взглядами встречаемся. – О, слушай, я потом перезвоню, – она стихийно сворачивает разговор, замедляет шаг и хлопает “раскладушкой”.

Я же вынужден признать, что совсем отстал от жизни.

Когда меня закрыли, сотовые имели только те, кто был при делах, бизнесмены и их отпрыски. У тренера моего пейджер вечно пищал. В универе на потоке пара человек от силы с мобилами резала понты, а теперь с ними каждый лох ходит.

– Привет, – поравнявшись со мной, блондинка заворачивает на пяточок возле подъезда.

– Ну... привет.

Я же настораживаюсь – допираю, что девушка узнала меня.

– Не помнишь, да? – кокетливо отводит с плеча желтоватые локоны.

Прищуриваюсь. Заглядываю в густо подведенные черным глаза. Ресницы у нее синие. Губы блестят, чем-то прозрачным с блестками намазаны. И никакая она не блондинка. У корней волосы темные.

– Нет...

– Я Вика, – улыбается, демонстрируя острые белые клыки. Я дальше моргаю. Вика и Вика. Ее имя мне ни о чем не говорит. – Вика Новикова, – уточняет. И я чисто из вежливости киваю. Кажется, смутно припоминаю ее лицо, но не больше. – Угостишь сигаретой?

Достаю пачку, даю прикурить.

– Ты... домой? – выдыхая дым вверх, безошибочно мои окна глазами находит.

– Домой, – киваю.

– Насовсем?

– Кхм... Нет, на каникулы.

– Условно вышел, да?

Я хмурюсь. Напрягает ее чрезмерная осведомленность в моих делах.

– Не много ли вопросов для одной сигареты? – грубовато толкаю и скрежещу зубами.

– Можно... вечером встретиться, – она не теряет. – Да-

вай свой номер, – и с готовностью подхватывает висящий на шнурке сотовый.

Раздается звук открытия. Типа, пилик-пилик.

– У меня нет мобилы, – тушу окурок о забор палисадника.

– Домашний же есть, – обратно захлопывает сотовый с таким видом, словно знает, что домашний у меня в наличии.

– Ну... есть.

– Запишу свой городской, – Вика снимает с плеча крошечный джинсовый рюкзак. – Только у меня нет листочка, – достав ручку, смотрит на меня, намекая, чтобы я что-нибудь придумал.

Задираю рукав джинсовки, протягиваю руку.

Девушка подставляет под нее ладонь и, придерживая, начинает выводить на тыльной стороне моего предплечья, там, где меньше волос, цифры.

По позвонкам бежит дрожь. Щекотно.

Наблюдаю за тем, как губы облизывает и медленно рисует

последнюю цифру – шестую.

Я все еще толком не помню, кто такая, откуда меня знает, хотя лицо точно знакомое, и не отшиваю Вику только по той причине, что она, поправьте меня, если это не так, сама на член ко мне просится.

Раньше с первой встречной я бы точно не стал мутить перепих. Тогда я был гораздо разборчивее. И у меня была девушка.

Она и эта Вика – как небо и земля.

Только и я теперь не то, чтобы завидная партия. В профессиональном спорте меня больше не ждут. Я не Майк Тайсон и не Сонни Листон, хотя те тоже сроки мотали.

Ни образования, ни работы, ни перспектив – ни-ху-я. Друзей и тех не осталось.

Мои бывшие однокурсники прошлым летом получили дипломы. А я – этим, – справку об УДО.

Козырять нечем, гордиться тоже. Так что выбирать не приходится.

Не, если не придирааться к тому, что расфуфырилась как новогодняя елка, фигура у Вики – ништяк. Пахнет духами, резко и приторно, но это, блядь, лучшее, что я вдыхал за последние четыре года. Плоский смуглый живот выставлен на показ. Полуголое женское тело так близко, что у меня становится тесно в штанах.

– А ты не боишься? – вывожу сипло.

– Чего?

– Кого, – поправляю. – Меня.

– Нет, Саша.

– Смелая значит, – вздергиваю бровь.

– Ты совсем меня не помнишь, да? – тянет с хорошо читаемым в глазах сожалением.

– Встретимся, может, вспомню получше, – усмехаюсь тому, как тупо это звучит.

Да я просто король флирта.

– Если что, я не против нового и полноценного знаком-

ства.

Девушку, если судить по улыбке, мои кривые подкаты вполне устраивают.

– Я позвоню, – одергиваю рукав.

– Классно.

Киваю и подхватываю сумку.

– Увидимся... Вика.

– Я очень надеюсь.

Не знаю, почему она такая настойчивая, но я этим воспользуюсь.

Прощаемся. В подъезд захожу.

И, кажется, что только вчера отсюда вышел.

На первом пахнет подвалом и кошками. Обшарпанные стены, неумелые граффити, обожженный след ботинка на потолке – на третьем. На пятом пожарная лестница. Наша дверь налево.

Поднимаюсь и, пока роюсь в сумке в поисках ключей, в соседней двери проворачивается замок.

Отступаю к перилам.

На площадку пацаненок лет трех выскакивает, а следом – соседка.

Узнаю сразу.

Женька заметно повзрослела и похорошела, но в остальном все такая же.

Родинка на щеке. Одета скромно в джинсы и рубашку. Ни грамма косметики. Волосы заплетены в косу.

Вспоминаю, что когда мы виделись в последний раз, они были растрепаны, и лицо у нее было красное и заплаканное.

Сощутив глаза, ощущаю, как все внутренности затягиваются в тугий узел. Удушливый жар до горла добирается. Сглатываю.

Конечно же я думал о нашей встрече.

– Привет, Женя, – решаюсь поздороваться.

– При... вет, – едва слышно проговаривает.

С ее лица вся краска сходит. В глазах паника и оторопь, словно она привидение увидела.

Я же снова сглатываю, резко выдыхаю и гашу все эмоции. Будто пальцами горящую спичку тушу.

Общение с призраками прошлого для меня – вполне привычное дело. Гребаные воспоминания, стыд, тоска, чувство вины и снова стыд – нечеловеческий, – всегда рядом, куда бы я не отправился.

Андриановой тоже есть, что вспомнить. Чем она, полагаю, сейчас и занимается, продолжая торчать в пороге с глазами по пять копеек. Зато мелкий пацан не тормоз.

– Эй, малой, погоди, – останавливаю его возле лестницы, выступив вперед. Тот явно намеревается самостоятельно по ступеням спуститься. – Реактивный какой, – придерживаю упирающегося ребенка за плечи и опускаюсь на корточки. – Как звать тебя?

Нахмутив белесые брови и упрямо глядя в сторону, шуст-

рый шпингалет сохраняет молчание. Все его маленькое крепкое тельце гудит от напряжения под моими пальцами. Только отпусти, и рванет вниз.

– Миша, ну-ка иди сюда! Нельзя одному! Сколько тебе говорить! Упадешь! – Женя отмирает, бросается к ребенку, за руку хватает и оттаскивает к своей двери. – Стой. Подожди!

С третьей попытки попав ключом в замочную щель, соседка закрывает дверь, молча обходит меня и, держа пацана за руку, на полусогнутых спускается вдоль стенки.

Наблюдая за ней сверху, опираюсь локтями на перила рядом с пожарной лестницей. Женя вскидывает голову, ступив на пролет, и снова замирает.

Рассматриваю ее, пацана и снова – Андрианову. Отмечаю очевидное сходство.

– Твой? – на мальчугана киваю.

Ощетинившись, Женя смотрит на меня, как на источник явной угрозы. И вдруг смущается, вспыхивает. Лицо розовыми пятнами идет.

– Да, мой, – неохотно, но подтверждает мою догадку.

– Поздравляю с сыном... – роняю зачем-то.

Женя никак не комментирует последнее. Убирает в сумку ключи, шагает дальше, вжав голову в плечи с таким видом, словно боится, что я на нее сверху спикирую.

А пацан у Андриановой реально бесстрашный.

Мать тянет его за руку, и он не глядя шагает вниз. А сам лицо ко мне поднимает.

Подмигиваю, мол, давай шуруй. Пацан же, задрал руку, показывает мне уверенный “фак” своим коротким толстым пальцем.

И я улыбаюсь. Черт возьми. Я впервые улыбаюсь за последние четыре года.

2

Евгения

Сегодня у меня выходной.

В садик за Мишкой пораньше иду. Если не работаю, одним из первых сына забираю сразу после полдника, а то и

совсем не вожу, чтобы компенсировать нам с ним те дни, когда у меня смена до одиннадцати за кассой в продуктовом магазине.

– Как дела? Как себя вел? Слушался? – сидя на корточках, стягиваю с сына заляпанную чем-то футболку. – Не дрался?

Мишка сначала кивает, затем отрицательно машет головой.

Слушался. Не дрался.

Надеваю чистую футболку. Снимаем сандалии.

– Сам одевался? – замечаю, что у него один носок наизнанку. – Мишка кивает. – Молодец.

Поправив одежду, беру сандалии, чтобы в ящик убрать и взять уличную обувь.

– А это еще что?

На верхней полке в файле обнаруживаю какую-то бумагу.

Направление на психолого-медико-педагогическую комиссию...

Удивляюсь. Странно как-то. Мы вот только в три года медкомиссию проходили.

Зачем это? Что еще придумали?

– А вам тоже такое дали? – обращаюсь к женщине, которая дочку одевает.

Имен ни девочки, ни матери я пока не знаю. Нас из яслей в мае перевели. Потом Мишка заболел сильно, в больнице лежали с воспалением. А сейчас лето – кто ходит, кто уже не ходит. На лицо я, конечно, многих запомнила. Здравсьте-зд-расьте. Но не больше.

– Что дали? – женщина приближается и, прищурившись, пробегает взглядом по бланку направления. – Нет, – скептически поджимает губы. – Нам такое не надо. А вы чья мама? – зачем-то спрашивает, покосившись на Мишку.

– Миши Андрианова.

– М-мм, – тянет с какой-то непонятной интонацией. – Понятно.

Порываюсь спросить, что ей понятно, но из группы вы-

ходит наш воспитатель – стажист, грузная и громкоголосая Любовь Федоровна.

Я сразу к ней бросаюсь.

– Любовь Федоровна, здравствуйте! А у нас тут в шкафчике... – показываю ей направление.

– Здравствуйте... – смотрит на бумажку, переполошившую меня, и кивает: – Да, это психолог принесла. Вам прийти всех специалистов надо.

– Но мы же в марте проходили...

– Нет, это другое, – перебивает. – Тут вас психиатр посмотрит, логопед, дефектолог.

– Дефектолог? – переспрашиваю, и у меня сердце к горлу подскакивает. – Зачем?

– Ну как зачем, мама? – Любовь Федоровна с укором глядит на меня. – Ребенок у вас гиперактивный очень, задержка речи... Агрессию к другим детям проявляет.

Да, это правда.

Что в яслях, что в младшей группе с сыном у педагогов хватает хлопот.

И то, что Миша в свои три года совсем не разговаривает – причина все чаще охватывающей меня тревоги, если не паники.

– Он все понимает. Я с ним каждый день беседую... – виновато вывожу.

– Тут беседами не поможешь, – вздыхает воспитатель. – Вот пойдете комиссию, может, вас к осени в спецгруппу определяют. У нас же в учреждении. Там программа своя, сопровождение, детей в группе меньше. Да у нас все родители просят в логопедическую группу. Там такая подготовка к школе хорошая...

Слушаю Любовь Федоровну и едва не плачу.

Спецгруппа... Дефектолог... Своя программа...

Замечаю, как на меня мать девочки поглядывает – с жалостью.

Ага. Прямо просят и рвутся все. Заметно. И какая подготовка к школе? Что она несет? Мишке всего три и три.

– И это обследование... оно обязательно? – пытаюсь понять, насколько все серьезно.

– Ну... скажу откровенно, заставить вас никто не может. Но вы о ребенке подумайте, как ему будет лучше.

Я киваю.

– Конечно.

О том, как будет лучше сыну, думаю постоянно. С того самого дня, когда мне его на грудь положили, с того момента, как увидела его – родного, крошечного, беззащитного, – и ужаснулась мыслям, которые одолевали меня всю беременность.

И в том, что Мишка не разговаривает, я только себя виню. Мой грех, моя боль. Носила бы нормально, ждала бы сыночка, как все благополучные матери, все бы у нас было хорошо и с речью, и с поведением.

До дома дохожу в самых безрадостных думах, и даже соседку нашу не сразу замечаю.

Тетя Таня Химичева из подъезда выходит и уже привычно

сует Мишке его любимые карамельки.

– Здравствуйте, – запоздало приветствую женщину.

Когда ее встречаю, всегда теряюсь ужасно.

– Здравсьте-здасьте... – тянет она своим высоким грудным голосом. – А ты когда со мной здороваться будешь, а, Мишутка? – Татьяна к сыну обращается. А мне ее это “когда” словно ножом по сердцу. Уже и соседи замечают. Но Татьяна неожиданно меняет тон и кивает Мишке, себя же высмеивая: – Отстань, скажи, от меня, тетка. Какое твое дело? Когда надо, тогда и буду, да? – очень по-доброму улыбается Мишке.

Мишка тоже ей улыбается.

– Миша, когда угощают, надо говорить “спасибо”, – напоминаю сыну.

Тяжело вздохнув, соседка смотрит на меня с пониманием.

– Ничего, Женечка, не переживай, – доверительно произносит. – Смышленный он у тебя. Мой тоже долго не говорил. А потом... Ух! Рот не закрывался! Да ты и сама знаешь... – еще сильнее опускаются ее плечи. Знаю. Знали бы вы. Заме-

чаю, что глаза-то у Татьяны грустные-грустные. У нее своя боль. – Ничего, Женечка, – повторяет с уверенностью, от которой у меня теплеет на душе, – и твой заговорит. Вон какой шустрый да крепенький. Славный мальчонка, славный, – и снова ее добродушное лицо озаряется улыбкой, когда на Мишу смотрит.

У меня подрагивает подбородок. Снова реветь хочется. Вместе с тем я чувствую прилив благодарности к этой женщине.

Господи. За что ты так с нами?

В субботу у меня второй выходной.

Зарплату получила. Веду Мишку на батуты и машинки, как обещала, если хорошо себя вести будет. Потом Мишка пальчиком показывает, просится в игровой лабиринт с сухим бассейном. Не могу ему отказать.

На скамейке не сижу. Через сетку наблюдаю за сыном, как он карабкается по мягкой лесенке, как в туннель бесстрашно ныряет.

Носки и руки после батута и лабиринта у Мишки, как у трубочиста. Оттираю его влажными салфетками, и мы идем

ко мне на работу за продуктами.

Как назло, и картошка, и масло подсолнечное, даже соль – и та закончилась.

На кассе болтаю с Настей – моей сменщицей, распихиваю покупки по двум большим пакетам, и упаковка соли валится из рук на стойку кассы, когда Сашу Химичева за собой в очереди вижу.

В груди беспокойно становится. Тороплюсь подхватить покупки. Скомканно прощаюсь с Настей и подгоняю сына к выходу. Тот канючит какую-то ерунду, длинную конфету жевательную, что ли. Схватил и стучит меня ею по бедру. А я уже расплатилась.

– В другой раз, Миш.

– Еще “Бонд” синий, – слышу голос Саши.

Невольно оглядываюсь. Настя пробивает ему пачку презервативов.

Мы с Химичевым пересекаемся взглядами, он кивком здоровается, и у меня моментом щеки вспыхивают. Конфету у Мишки забираю, оставляю на прилавке и, как ошпаренная,

несусь с сыном прочь.

Но на улице едва успеваю перевести дух, как Саша нас нагоняет. С сумками в одной руке и ребенком – в другой далеко я бы и не ушла при всем желании.

– Привет, Жень. Чего втопила? – слева от меня возникает его широкоплечая фигура. – Домой?

– Привет... Да, – едва слышно роняю.

– Давай донесу.

– Да не надо, – бормочу сконфуженно.

И, как и прежде, рядом с ним полной душой себя чувствую.

– Все нормально, Жень... – Саша тормозит меня, мягко перехватив за локоть, и забирает оба пакета.

– Нормально? – зачем-то переспрашиваю.

Темноволосый, высоченный, скуластый, с перебитым носом, Химичев словно еще острее чертами становится. И как же сильно он повзрослел...

– Херню сморозил, понимаю... – кивает без каких бы то ни было притязаний.

У меня к нему тоже нет претензий. Но общаться и видеть его тяжело.

До нашего двора идем в молчании. Саша не самый разговорчивый на свете человек. Я – тоже. Стараюсь вообще не смотреть на него. Ладони потеют. Сердце делает кульбиты.

Благо, что магазин, что садик от дома в шаговой доступности находятся, и моя встряска вот-вот закончится.

– Спасибо за помощь, – уже у открытой двери в квартиру Сашу благодарю.

– Да ерунда, – Химичев ставит за порог мои пакеты и кивает в направлении коридора. – Дед-то как? Не болеет? Не видно его.

– Дедушка умер два года назад, – вздыхаю печально.

– Я не знал, – Саша выглядит растерянным и очень искренне добавляет: – Прими мои соболезнования. Хороший он был человек.

– Да, спасибо, – я киваю.

Мишка меня за руку домой тянет.

– А ты так тут и живешь значит? – вдруг спрашивает Саша.

– Ну... да.

Замечаю, куда он смотрит – на мою правую руку, где нет обручального.

– Ясно... – тянет и хмурится.

Я с большим трудом выдерживаю взгляд его темных глаз. И мне страшно. Боюсь, что он все-все поймет, если уже не понял.

– Ладно, мы домой. Спасибо, что помог, – спешу скрыться за дверью квартиры.

– Подожди, – Саша меня останавливает. И, как и несколькими днями тому назад, опускается перед сыном на корточки. – Миша... Миша же тебя зовут?

Насторожившись, Мишка поднимает на меня взгляд.

– Миша, да, – паникую.

Саша же лукаво глядит на Мишку:

– Ты мне сегодня, разве, никакой палец не покажешь на прощание?

– Какой палец? – удивленно выдыхаю.

– Он знает... – заговорщицки усмехается Химичев и достает что-то из кармана джинсовки. – Вот. Держи, – протягивает Мишке ту самую конфету, которую я на кассе оставила, намереваясь сбежать от него.

3

Женька

На последнем уроке Вика через моего соседа по парте Андрея Грачева передает мне записку.

“Ко мне пойдём?”

Мы с Грачевым сидим за четвертой партой в первом ряду,

а Вика с Ерохиным – тоже за четвертой, только во втором.

Я пишу ответ.

“А кто у тебя дома?”

Сворачиваю половинку тетрадного листа в клетку, осторожно скребу пальцем локоть Андрея и с виноватым видом прошу его еще побыть нашим телеграфом.

Но мою корреспонденцию у Вики Ерохин выхватывает, как делает это, примерно, всегда, чтобы повыделываться и подоставать меня через Вику.

Вика шипит на Ерохина, обзывает дебиллом и за руку его цепляется, пытаясь забрать записку, но Стас отпихивает ее, разворачивает бумажку, читает и ухмыляется.

– Ерохин, в чем дело?! – строго произносит Анна Николаевна, заметив возню во втором ряду.

– Это не я, это Новикова, – дурачится тот. – Скажите ей, она меня бьет.

Кулаки сжимаю. Как же он меня бесит!

– Козел! – шепотом выпаливает Вика.

– Еще и обзывается! – жалуется Стас.

– Я не хочу с ним сидеть! – парирует Вика.

– Ну-ка, перестали! Вы в одиннадцатом классе или в первом?! – одергивает обоих учитель. – Скоро экзамены, а вам все хиханьки да хаханьки!

У нашей математички не забалуешь. И пересаживаться она не разрешает. Реально, как в началке, нас рассадила: мальчик-девочка. Ну не тупость ли?

Ладно хоть другие учителя адекватные, такой фигней не страдают, и за исключением алгебры и геометрии, мы с Викой везде вместе сидим.

Уже после звонка Вика дублирует свое приглашение.

И я спрашиваю:

– А кто у тебя?

– Никого.

Соглашаюсь конечно.

Мне нравится бывать у Новиковых.

У них трехкомнатная квартира на семью из трех человек. У Вики своя отдельная комната с телевизором, в то время как мы с дедом делим одну на двоих. И телик у нас тоже общий.

Когда я младше была, меня это не напрягало, а теперь все чаще хочется побыть одной, посмотреть свои сериалы и передачи, книжку почитать не из дедушкиного книжника, типа, “Горький дым Саванны”, а про любовь.

У Викиной мамы собрана целая коллекция романов из серии “Алая роза”, и я уже больше половины прочла.

Дед, конечно, не одобряет. Недавно увидел, что я читаю, по обложке же понятно, и скривился весь. Поэтому я всё больше читаю романы украдкой, но иногда так зачитываюсь, что ничего не вижу и не слышу.

Даже не верится, что на свете существует такая любовь и такие мужчины.

Правда когда читаю интимные сцены, чувствую себя

странно. Мне и стыдно, и так волнительно, в груди печет, а в животе порхают бабочки.

Знаю, что некоторые девочки в классе уже занимались-этим. Вика говорит, что тоже хочет попробовать.

А я не понимаю, как можно просто попробовать. Без любви, чисто ради любопытства – позор какой.

После школы мы ненадолго ко мне заходим.

Вика в коридоре топчется. Я оставляю на полке половину учебников, переодеваюсь и деда предупреждаю, что до вечера буду у Вики. Он поправляет слуховой аппарат, хмурится и издает горлом недовольные хриплые звуки.

Мою лучшую подругу он тоже, почему-то, не одобряет. В открытую не говорит, но сдержанную досаду и холодок в голосе, когда про Вику речь заходит, я все чаще замечаю.

Вика моего дедушку тоже побаивается. Говорит, что он слишком строгий, и искренне недоумевает, как я терплю такую жизнь. А я не терплю. У меня нормальная жизнь. Да, хотелось бы чуть больше личного пространства, но в остальном я всем довольна.

Мой дед – заботливый, добрый, и он очень меня любит. Не представляю, как бы жила без него или с мамой, учитывая, что той нет до меня никакого дела. Раньше я этого не понимала. Думала, мама работает, ей некогда, находила ей самые нелепые оправдания, но теперь-то я все понимаю. Не маленькая. Не нужна я ей. Да и она мне, признаться, теперь тоже.

– Дед, я ушла! – кричу как можно громче, уже обувшись.

Мы с Викой выходим за дверь. И, пока я закрываю верхний замок, Новикова подходит к соседней двери, прислоняется к ней ухом и при этом выглядит как одиозная фанатичка.

– Там моя любовь еще не приехала? – Сашу Химичева имеет в виду.

Я закатываю глаза.

– Не знаю... Не видела.

Мы спускаемся, и Вика шепотом отбивает:

– А я его Мариночку встретила вчера с мамашей. Идет вся такая... Я – не я и жопа не моя, – гримасничает, изображая

девушку Саши. – Вот что он в ней нашел?

– Ну... она красивая, – констатирую очевидное.

Перед глазами встает лицо высокой блондинки с аристократическими чертами лица. Про таких, как Марина, и пишут романы – утонченных и женственных.

Но Вика со мной категорически не согласна.

– Кто красивая?! – фыркает она. – Марина?! С ее горбатым носом?!

– Он не горбатый, скорее, греческий, – дразню Вику. – Ну и, наверное, люди друг в друга не из-за носов влюбляются.

Вика хмыкает и что-то недовольно ворчит. Она уже третий год бегает за Химиком. Саша тогда в одиннадцатом учился, мы в девятый перешли. И Вика в него прямо без памяти влюбилась. А как она страдала, когда он школу закончил! Говорила даже, что жизнь ее всякий смысл потеряла и в школе больше ловить нечего. А потом как гром среди ясного неба – она узнала, что он с Мариной встречается. И это разбило ей сердце. Не знаю, на что она надеялась. На таких, как я или Вика – обычных, Химичев и раньше не смотрел.

Я для него всего лишь соседка, с которой он приветлив и вежлив.

А он для меня...

По дороге к Викиному дому, через двор от моего, мы делаем приличный крюк. Вприпрыжку бежим на остановку. Начало марта. Дубарина страшная, но Новиковой надо срочно в “Роспечать”. Вышел новый номер “Спид Инфо”. Да я хоть в брюках, а Вика в капронках. Ненормальная!

Уже дома у нее согреваемся горячим рассольником. Потом я делаю домашку по геометрии, а Новикова брови себе выщипывает и красит ногти. Предлагает и мои брови в порядок привести, но я не даюсь. Это же так больно!

А еще Вика хвасталась, что сбривает волоски на одном месте. Смешная. Зачем? Кто там что увидит?

– Оставишь мне тетрадь? – просит она, углубляясь в чтение газеты. Обращаю взгляд на первую страницу с беременной Ладой Дэнс. – Я потом спишу, а то в “гдз” вообще ничего не понятно. Математичка опять будет докапываться, что и откуда. А если я не понимаю ее тупые косинусы!

– Оставлю. Только завтра не забудь.

Перехожу к русскому, а Вика читает “Спид Инфо” от корки до корки, кое-что вслух зачитывает. Рубрика “С ног на голову” с откровениями читателей – ее любимое. Она и при родителях может спокойно читать всякое такое. И перед папой в лифчике расхаживает. А я даже представить не могу, чтобы могла вот так сидеть с подобным чтивом перед дедом или продефилировать мимо него в нижнем белье. Ага. Показал бы он мне “Спид Инфо”.

Мне даже в его присутствии сериалы смотреть неудобно. Поэтому, если Вика приглашает в гости, я с радостью соглашаюсь. Хоть “Дикий ангел” спокойно можно посмотреть. Это Вика меня на него подсадила.

– Тебе не кажется, что Иво на Ерохина нашего похож? – замечает она во время просмотра.

– Нет. Не кажется. Ерохин – полный придурок! – отбиваю с возмущением.

– Да я про внешность, а не про то, что он дебил! – цокает Вика.

– Нет. Ничего общего.

Справедливости ради стоит признать, что Ерохин симпатичный, но он так меня бесит, что я никакой красоты в нем не вижу.

– Смотри какие, – во время рекламы Вика шкаф открывает и показывает еще не дошитые брюки – синие, расклешенные.

Викина мама – непрофессиональная швея, но у нее отлично получается шить по журналам “Бурда”. У Новиковых и машинка есть ножная, и оверлок.

– Очень клевые. На тебе классно смотреться будут.

– Ага, они тут полностью в обтяг, – Вика проводит ладонями по бедрам.

Фигура у Вики правда очень красивая и грудь что надо. Не то, что у меня.

– А вот твое, – достает уже скроенное и наметанное платье.

Викина мама шьет нам обеим платья на выпускной. Мне не бесплатно, конечно. Но дедушка сразу сказал, что заплатим, сколько нужно. Модель платья тетя Лена предложи-

ла. Оно темно-красное, длинное, без рукавов и с воротником-стойкой.

Я тоже немного умею шить, на трудах научилась, но у меня только старенькая бабушкина машинка. И такое изделие, как выпускное платье, мне точно не осилить.

Я поднимаюсь и осторожно набрасываю на себя полуфабрикат. Смотрю в зеркало на внутренней поверхности дверцы шкафа. Должно получиться отпадно!

– Ты волосы не хочешь подрезать, Жень? – Вика сзади подходит и перебрасывает мою косу на плечо. – А то ходишь, как Марфа.

– Да не знаю... – пожимаю плечами. – Я привыкла с длинными.

– А я хочу укладку, вот такую, – обхватив пальцами концы своих темных прядей, она подкручивает их наверх.

Домой собираюсь около пяти, разу после сериала. Знаю, что ближе к шести Викины родители с работы возвращаются. А я тут и так частый гость. Неудобно.

К вечеру еще морознее становится. Под ногами поскри-

пывает ледяная корка. Весной даже не пахнет. В подъезд захожу с красным носом, перчатки в карманы толкаю и замираю на первом пролете. Подъезд гудит и сотрясается от смеха парней.

На улице сидеть холодно, и Ерохин и компания опять торчат на третьем. Дед, бывает, гоняет их, а Стас потом на мне отыгрывается.

Вот и теперь.

На площадке их пятеро. Двое – Максим и Игорь – из нашего класса, двое других – из параллельного.

– О, Андрианова, привет, – увидев меня, Ерохин нарочно путь перегораживает и лениво выводит: – Постоишь с нами?

– Нет, – отрезаю грубо. Знаю же, что он не всерьез предлагает. – Дай пройти.

Шагаю в сторону, но Стас реагирует, не выходит его обойти.

– А если не дам? – тянет нахально. – Деда позовешь?

– Надо будет, позову! – раздраженно выпаливаю.

– Давай вместе позовем, – сложив руки в рупор, он задирает голову и горланит. – Дедуля, тут твоя внучка! – Делает вид, что прислушивается и моргает часто: – Что-то не слышит. А-а! Он же глухой у тебя, – смеется, и все остальные вместе с ним.

Но я даже не обижаюсь. Дебил притягивает дебилов – закон жизни.

Внизу хлопает подъездная дверь. Мы продолжаем препираться, я пытаюсь проскользнуть, но Ерохин меня собой к перилам прижимает.

– Стас, ты тупой?! – ору на него. – Пройти дай!

– Полай, – отбивает он, ощерившись, и давит на меня всем своим длинным жилистым телом.

Мой гнев сменяет смущение и отвращение. Так сильно он в мой бок своим пахом вжимается.

– Стас! – рычу на него.

– Отвалил и пропустил девушку! – раздается властное.

Оглядываюсь.

По ступеням Химичев поднимается. И я вся вспыхиваю. Мы со Стасом в такой позе стоим, будто обнимаемся.

– Опа, какие люди! – Ерохин отстраняется, однако блокирует мне путь рукой, цепко взявшись за перила.

– Здорова, пацаны, – здоровается Саша со всеми.

Парни по кругу обмениваются крепкими рукопожатиями.

– Со сборов, Химик?

– Ага.

Стас единственный, кто не подает ему руки.

– Слушай, Андрианова, тут сказали, что ты девушка, – с самодостаточным видом он высмеивает замечание Саши. – Я тоже хочу посмотреть.

Меня бросает в жар от ярости и стыда.

– Пропусти! – задыхаюсь от возмущения.

– Сначала покажи, в каком месте ты у нас девушка? – ближе ко мне наклоняется.

И теперь лишь его тупой одинокий смешок эхом от стен отскакивает. Остальные не такими уж и дебилами в присутствии Химичева кажутся.

Понимаю. Никто не хочет нарываться на неприятности. Ведь Химичев профессионально боксом занимается.

– Стас, беса не гони, – жестит он тоном. – Я два раза не повторяю.

Парни расступаются и пропускают Сашу ближе к нам.

На нем черная шапка, куртка, джинсы и спортивная сумка на плече.

Я пользуюсь тем, что Ерохин переключает внимание на Сашу, отталкиваю его руку и несусь вверх.

От быстрого подъема сбивается дыхание. Даже уши закладывает.

– Эй, Жень... Подожди! – долетает до меня уже у двери. Саша торопится, поднимаясь по ступеням и на ходу куртку

расстегивает. – У тебя перчатка выпала?

Вижу в его руке свою фиолетовую перчатку из ангорки. Она вся в катышках, и мне становится неловко за это.

– Да, – нехотя сознаюсь.

Саша поднимается на площадку и вручает мне перчатку:

– Держи.

– Спасибо, – киваю, пряча потеряшку в карман.

Благодарю и за перчатку, и за то, что вступился за меня.

Виски сдавливает от частого гулкого пульса. Чувствую, как под шапкой на лбу выступает испарина: то ли от быстрого подъема, то ли от того, что Химичев уделил мне столько внимания.

– Все нормально? – Саша настороженно в глаза мне заглядывает сверху, исподлобья.

Его красивое лицо близко, а на площадке так мало свободного пространства, что я совсем теряюсь:

– Нет... То есть... – бормочу и краснею. Секунды уплывают, а я все еще тяну с полноценным ответом. – Нормально, – кое-как вывожу.

– Не обращай на дурака внимания, – подбадривает меня Саша. – Его просто в детстве роняли часто.

– Я и не обращаю, – изо всех сил стараюсь звучать независимо.

Я не то, чтобы застенчивая, нет, но вот когда Химичев оказывается поблизости, я в какую-то мямлю превращаюсь.

– Ну ладно. Если будет лезть, скажи мне, я разберусь, – со всей серьезностью проговаривает.

А у меня в голове его слова не укладываются.

– Да не надо, – проговариваю в полном смятении.

– Ну смотри. – Саша к двери своей поворачивается, и меня обдает его запахом – каким-то мужским дезиком, от которого кожу под свитером и пуховиком ошпаривает горячими мурашками. – Пока, Жень.

– Да... Пока, – еле слышно отвечаю.

Бабочки порхают в моем животе. И я впервые чувствую их так ярко, без всяких там романов.

4

Евгения

От магазина до дома на машине минута езды. Даже пристегиваться не стала. Олег давит на тормоз, а я уже наготове: накидываю на плечо ремешок сумки, суетливо пакеты за ручки подхватываю и роняю на выдохе:

– Спасибо тебе...

Вздрагиваю от неожиданности. Олег мне на коленку руку опустил.

– Да посиди, – произносит он голосом ниже, чем обычно.

Колени свожу, сжимаю между бедрами шифон платья.

– Зачем? – широко распахнув глаза, растерянно смотрю на мужчину.

В салоне темно. Мутно-зеленым светится окошко магнитолы, на приборной панели горят несколько индикаторов, но

я отлично вижу, как у Олега блестят глаза.

– Ну как “зачем”? – усмехается он небрежно и снисходительно.

Я взбаламученно пакеты к груди прижимаю. Дышать все тяжелее становится. И паника нарастает, когда Олег крепче стискивает пылающую под его пальцами коленку. Не выдерживаю. Дергаю ногой, и он сразу отводит руку.

И, конечно же, я понимаю, “зачем”.

Все понимаю. Зачем он приехал сегодня, зачем так часто в магазин в мою смену приходит и зачем вызвался стать нашим личным водителем.

Я ему нравлюсь. Мне Олег тоже симпатичен, и я хорошо знаю его сестру.

Мы весной познакомились на Настинном дне рождения. Насте двадцать четыре исполнилось, Олегу – двадцать один, как и мне. Четвертый курс в “Горном” закончил, а еще он подрабатывает в такси.

Когда-то я тоже хотела учиться в “Горном”. Физику и математику на вступительных на “отлично” сдала, а потом

узнала, что беременна...

Мои одноклассники сейчас, из тех, кто в ВУЗ поступили, перешли на пятый курс, в следующем году дипломы получают. Если бы я не родила Мишку, возможно, мы бы встретились с Олегом в универе.

Я из класса не одна с ребенком, конечно. Недавно Надю Анненкову встретила. Она мне все сплетни рассказала: кто где учится, кто женился, кто замуж вышел, у кого дети.

То, что я рожу в восемнадцать, сразу после школы, полагаю, никто не ожидал. И Надя все намекала, выведывала, кто мой муж, кем работает. Как будто не в курсе, что я мать-одиночка.

Но это теперь мне все равно, что про меня подумают. Чувство стыда даже у такого самокритичного и требовательного к себе человека, как я, со временем притупилось. А когда дедушка умер, я многое переосмыслила, меньше стала заморачиваться и тревожиться на тему того, что одна воспитываю ребенка.

Но так было не всегда.

Хуже всего пришлось, когда я на большом сроке ходила

и встречала кого-то из знакомых: соседей или одноклассников. Март как назло выдался теплым, а я в коротенькой курточке, которая не застегивалась на огромном животе. Без необходимости я даже старалась из дома не выходить, но все же приходилось: анализы отнести, на прием, в магазин, в аптеку. Деда просить я считала недопустимым. Впрочем, смотреть ему в глаза и слышать его тягостные вздохи дома было еще сложнее.

Дед меня не упрекал, не ругал, даже не спрашивал, чей Мишка, может, и догадывался о чем-то, но переживал, безусловно. И Мишку он очень любил. Если бы не его поддержка и забота, не знаю, справилась бы я. И только все наладилось, сын в ясли пошел, я на работу устроилась, как в нашу семью пришло горе.

Олег – первый парень, который за мной ухаживает.

Он брюнет, невысокий, коренастый, симпатичный. Глаза у него голубые, а ресницы потрясающе длинные. На правой стороне, когда улыбается, появляется ямочка. Еще есть ямочка на подбородке. Олег очень на Настю похож.

Его внимание мне приятно. Мне с ним спокойно. Ну почти. И про Мишку он знает, а еще выручает очень тем, что отвозит маму домой в те дни, когда она забирает Мишу из

садика и сидит с ним, пока я не приду. Правда я даю маме деньги, чтобы она платила за такси, как положено. Не люблю оставаться у кого-то в долгу. Сказывается дедушкино воспитание.

– Жень? – мягким тоном Олег выдергивает меня из размышлений о моем житье.

– Олег, мне пора. Я же тебе сразу сказала, что мне домой надо. Там мама ждет. Не нужно за мной приезжать, тут идти-то, – уже не в первый раз деликатно напоминаю ему.

– Пристанет кто-нибудь. Одна ходишь. Поздно, – ненавязчиво, с заботой приводит в качестве аргумента.

– Я уже привыкла...

– Красивой девушке не надо привыкать к такому, – осторожно парирует.

У меня отсутствует романтический опыт общения с парнями. Я целовалась-то всего пару раз. Но есть вещи, которые просто чувствуешь.

Откуда-то я знаю, что Олег хочет меня поцеловать.

Я из-за этого нервничаю. Ведь одно дело – просто позволить знакомому парню подвезти до дома, а другое – поцелуи с ним ночью в машине. У последнего могут быть последствия.

– Ну я пойду, – машинально поправляю широкую фенечку на запястье и тянусь к ручке. – Еще раз спасибо, что подвез. Хорошо тебе отработать.

Толкаю дверь, но Олег настойчиво просит:

– Да подожди, Жень. Давай завтра на озеро сгоняем? Искупаемся. В летнике там посидим, шашлык поедим, – предлагает в пожарном порядке.

Опасается, видимо, что я, как и в предыдущие разы, выскочу из салона и скроюсь в подъезде.

– А кто еще поедет? – спрашиваю настороженно.

– Я и ты, – его голос звучит без всякого подвоха. – Бледная. Тебе срочно надо на солнце, – он тянется к моей руке и проводит костяшкой указательного по плечу.

Волоски на оголенной коже и под платьем мгновенно поднимаются, но я позволяю парню касаться меня. Это даже

приятно. А еще я думаю о том, как здорово было бы свозить Мишку на озеро.

– Я... бы с удовольствием, – начинаю нерешительно, – но... если только с сыном.

– Без проблем, – возбужденно подхватывает Олег.

– Я не могу его оставить. Не с кем. У мамы свои дела. Да и выходные мы всегда вместе проводим, – зачем-то оправдываюсь.

Но с моим графиком я сына в рабочие смены не вижу. Увожу в садик рано, а когда домой возвращаюсь, он уже спит. Раньше дед с ним сидел и укладывал. Теперь вот мама. Мы не то, чтобы сблизилась с ней, но неплохо ладим на фоне того, что она помогает мне с Мишкой. Она даже меньше пить стала. С внуком всегда трезвая сидит. Не было бы счастья да несчастье помогло. Хотя наши отношения по-прежнему далеки от тех, что бывают в нормальных семьях. Но другой матери у меня уже не будет. И я не жалуясь.

– Говорю же, не проблема. Поедем втроем, познакомимся, – Олег, опасаясь, что я передумаю, звучит все настойчивее. – Во сколько за вами заехать?

– Я не знаю, – растерянно пожимаю плечами.

– В десять? Одиннадцать?

– Давай в одиннадцать.

– Тогда договорились.

– Хорошо, да, – стискиваю ремешок сумки, все активнее шуршу пакетами. На воздух уже хочется. – Пока, Олег...

– Жень... – парень поперек груди меня перехватывает.

Тянет за плечо, и я мягко врезаюсь губами в его губы. Олег сразу язык выпускает, расталкивает меня. Поцелуй выходит влажным и суетливым. У него слишком горячий язык. А со своим я не знаю, что делать. И когда все заканчивается, я не уверена, понравилось ли мне.

Больше не мешкаю. До квартиры сама не понимаю, как долетаю. Лицо горит, и хочется скорее умыться.

Дверь бесшумно открываю. Мама выходит меня встречать. Берет свою сумку. Я скидываю босоножки, она обувается.

– Давно спит? – спрашиваю, опуская на пол сумки.

– Давно. Скакал, пока силы не кончились.

– Я тебе тут кое-что из продуктов взяла, – отставляю в сторонку один из пакетов с макаронами, тушенкой и двумя пачками крепкой “Явы” .

Мамин сожитель Павел не в восторге от того, что последние два года каждые два дня она заявляется домой ближе к полуночи. Чтобы он не скандалил, я сигареты ему покупаю и что-нибудь из еды. А если праздник, то бутылку передаю. Такие у нас высокие отношения с этим мужчиной, которого я и отчимом-то не могу назвать.

– Ага... – мама расчесывает перед выходом свои выкрашенные в махагон короткие волосы. – Жень, слушай. Я Светке звонила Плотниковой. Ну она же в интернате работает. Не вздумай его ни на какую комиссию тащить и что-то подписывать! Избавиться решили! Да хрен им! Пусть воспитывают! – возмущается громким шепотом.

– Миша, так-то, мой ребенок, – сухо замечаю. – И у него правда есть задержка речи.

– Пусть занимаются значит! На то они и воспитатели! На

то и учились! Им за это деньги платят! – Мама остается при своем мнении. – А потащишь по врачам, напишут, что он отсталый. А потом в спецшколу! И все! – рисует для Мишки безрадужное будущее и помаду достает.

Я тоже думаю об этом, о будущем, о близком и далеком, о том, как сын в школу пойдет, в какой профессии потом себя найдет. Незвестность очень пугает. Вроде бы, пытаюсь себя успокаивать, что в запасе еще есть время, что еще заговорит, но гляжу на других детей в садике или на детской площадке, и клубок непрестанной материнской тревоги затягивается все туже.

Советоваться мне не с кем. Вот я маме и рассказала.

– Да там же просто группа логопедическая. В нашем же садике, – пытаюсь объяснить, что не все так страшно.

– Ой, ну сама смотри тогда! – мама потирает губами, распределяя сливовую помаду. – Испортишь ребенку жизнь, потом не жалуйся.

Я вскидываю голову. В груди горячо вспыхивает. Так и хочется сказать: “Серьезно?”. Однако сдерживаюсь. С мамой бесполезно говорить. Алкоголь давно ее совесть разрушил.

– Давай иди, – выпроваживаю ее, передавая пакет. Чувствую нарастающую внутри горечь. – Вот. Держи, – достаю кошелек и вручаю ей деньги на такси.

– Хоть бы пива купила, – ворчит мама, забирая купюры и заглядывая в пакет.

– Перебьетесь, – огрызаюсь.

Но мама даже не обращает внимания на мой тон.

– А я сейчас в круглосуточный заеду. У меня завтра отсыпной, – мечтательно тянет и нос почесывает в предвкушении. Я молчу. Смысла воспитывать ее тоже не вижу. – Желёк, а этот Олег твой... ничего, – одобрительно тянет. – И видный такой, и при машине. Со мной вежливый всегда... Ирина Николаевна, Ирина Николаевна... И дверь откроет, и сумки донесет... Ну прямо Ален Делон... Квартира есть у него?

– Понятия не имею, – зеваю и дверь ей открываю.

– А ты бы поимела понятие-то, – зато мама в кои-то веки решает меня повоспитывать. – Ты с ребенком. Пока тут все ладно, – правую грудь свою ладонью взвешивает, – мужика надо хватать. Потом кому нужна будешь? И Мишке будет

полезно. Может, потише станет при мужике-то.

– Ага, – пропускаю мимо ушей ее материнские наставления.

– Ладно. Все. Пошла, – она шагает за порог и снова оглядывается. – А... Слушай, а я вчера в подъезде, знаешь, кого встретила?

– Кого? – нетерпеливо вздыхаю.

Хочу уже в душ и лечь в постель поскорее.

– Да подруженцию твою. Вику.

– А, – свожу удивленно брови, – и что?

– Она к соседям приходила, – мама на дверь семнадцатой квартиры указывает и шепотом добавляет: – К Таньке Химичевой. Я Вику сразу и не узнала... Что я там ее видела-то, пару раз да когда у вас выпускной был. Ты вчера только закрылась, а тут она поднимается. “Здрасьте”. Ну я ей: “Здрасьте”. А сама понять не могу, кто такая? А она мне: “Вика я, помните? С Женей в школе вместе учились”. Ну и я смотрю – точно, – мама в красках и подробностях пересказывает их встречу. – А она такая краля стала. Одета по-модному. Во-

лосы обесцветила. И не узнать. Думала, она к тебе, а она к Таньке стучит. Что она у ней забыла-то, интересно?

– Я не знаю. Мы давно не общаемся, – равнодушным тоном отбиваю.

Но вместе с тем мне неприятно. Ведь ясно же, что не к тете Тане моя бывшая подруга приходила, а к Саше, пока его мать, вероятно, была на сутках в хирургии нашей Медсанчасти.

И когда только они успели снюхаться?

Знаю, меня не должно это волновать, но вот волнует.

– А-а... – мама наконец выходит из квартиры, но снова о чем-то вспоминает. – Жень, я еще сказать хотела... Ну ладно, в другой раз. Такси ждет. Я побежала...

5

Александр

Самый главный мой враг – это я сам.

Брюс Ли

– Я спросила насчет работы. Сказали, что возьмут только с погашенной судимостью.

– Ясно, – с оттяжкой киваю.

Осторожно и бесшумно впечатываю кулак в дверной косяк кухни с зарубками, сделанными старым столовым ножом.

“13. 03. 85. Саша, 119 см”

На то, что удастся устроиться в Медсанчасть разнорабочим, даже не надеялся. Все-таки госучреждение.

Оно и к лучшему. Не хватало еще, чтобы на маму все косо на работе смотрели из-за того, что сын у нее уголовник.

Веду пальцем по зарубкам, ногтем в углубление ныряю напротив последней даты.

“15. 06. 90. Саша, 154 см”

Щемящей тоской окатывает душу. Толкаюсь за порог и опускаю на стол стопку купюр.

– Вот, мам. Тут за квартиру и так...

– Что еще выдумал?! – развернувшись у мойки, мама ода- ривает меня укоризненным взглядом. – Немедленно забери! – указывает на мой тюремный заработок. – Чтоб я такого больше от тебя не слышала! – Схватив тряпку, к столу под- ходит и жестом требует, чтобы поднял. Слушаюсь. – Разло- жил тут! – ворча, она принимается оттирать стол. – Убирай и руки мой! Кушать садись! – совсем как в детстве ругается.

Она же медик у меня, хирургическая медсестра. Стериль- ность – наше все.

Убираю бабки на холодильник, под радиоприемник тол- каю и переключаю станцию. Какая-то музыка стала – слу- шать невозможно.

На “Русском радио” узнаю знакомую интонацию Фомен- ко.

“Настоящий мужик должен уметь поджигать избы и пу- гать коней, чтобы его бабе было чем заняться...”

Угораю.

А мама, насупившись, молчит и водит по столу сухим по- лотенцем. Допираю, что обиделась из-за денег.

Скручиваю громкость приемника на минимум.

– Да не могу я у тебя на шее сидеть, мам, – хочу ей объяснить, зачем так сделал.

Тяжело вздохнув, она тянет полотенце к груди.

– Ох, Саша-Саша...

А в глазах стоят слезы.

У самого кадык дрожит. В носовых ходах становится так беспонтово, что я с адской болью прокачиваю сквозь них воздух. А когда она бросается ко мне, раскрыв объятия, и обнимает, грудак жжет, словно мне прямой панч под сердце засадили.

Мама плачет навзрыд – громко и судорожно. И ее слезы для меня тяжелее любого наказания, тюрьмы, хуже пыток. Пожизненный приговор.

– Мам... Прости меня, мама... – рука трясется, пока по голове ее глажу.

Из глаз и носа позорно бежит. А ведь сто лет не ревел.

Даже на похоронах. Сука!

И вскоре уже она меня утешать начинает.

– Не надо, сынок... Ты не терзай душу себе, назад ничего не воротишь... Ты мне вот запретил тебя навещать, так я в церковь ходить стала. И ты бы сходил, родной. Ты же у меня крещеный. Исповедался бы, причастился. Батюшка бы направил, что и как. Все легче бы стало...

Уже не удивляюсь ее словам и тому, что она молится дома.

Мама стала очень набожной. В квартире появились иконы. На кухне отрывной православный календарь висит.

Стоим так еще довольно долго. И я ног почти не чувствую – так отвык от объятий, от тепла, от искренности, от эмоций. От матери отвык, а для нее я будто бы все тот же. Как малого меня гладит и успокаивает, пока не подрывается:

– У меня же картошка!

Продолжая утирать фартуком уголки глаз, мама к плите подсакивает.

В воздухе пахнет горелым.

Я мою руки и на табурет с торца стола приземляюсь.

Мама снимает крышку с чугунной сковороды и отработанными годами движениями перемешивает картошку так, чтобы поджаренный слой оказался наверху и ничего не развалилось. Помню, в детстве называли эти румяные ломтики “рыбками”, а еще помню, как мама мной гордилась.

В восемь лет я пошел в секцию бокса недалеко от дома. Но не ради самого бокса. Отчима мечтал отлупить за то, как с мамой обращается. Только он вскоре от нас ушел, а я в спорт втянулся. В четырнадцать дебютировал на юниорском чемпионате.

В стране тогда черт-те что творилось. Гиперинфляция. Цены с шестью нулями. Мама из больницы еду и хлеб носила. А я все дни до школы или после проводил в тренировочном зале.

В девяносто четвертом в старшей категории вышел в финалисты, а еще через год одержал победу. Потом еще дважды выходил в финал юношеских национальных первенств. В универ параллельно поступил на физкультурный. Мама настояла, чтобы помимо бокса у меня была профессия. Я всегда был послушным сыном. Поступил. Но сам, конечно,

грезил о большом спорте. Учеба тому не мешала. Меня ждало светлое будущее...

И вот он – я, сижу и чиркаю ручкой на последней странице газеты, выискивая себе хоть какую-нибудь вакансию.

Пару звонков с утра уже сделал. В одном месте отбрили сразу, когда сказал, что вышел по УДО. В другом статью спросили и следом отбрили. Но у меня предписание. Нужно трудоустроиться в течение месяца, иначе будут проблемы. Только, блядь, как найти работу, если с условием никуда не берут? Какой-то замкнутый круг. Неудивительно, что многие возвращаются назад в тюрьмы.

Нет, лично я не собираюсь, но система очень тому способствует.

Читаю дальше. Обвожу ручкой пару вариантов: “разнорабочий на стройке” и “охранник складских помещений”. Складываю газету. Мама на стол накрывает.

– Сама не будешь, что ли? – обращаю внимание, что она только мне картошку поставила.

– Нет. Я чай попила.

Я хватаю вилку, кусок хлеба и налегаю.

Мама с суток пришла, поспала пару часов и встала. У нас, типа, позднего завтрака сегодня.

Я ем, она газету берет, разворачивает и пробегает взглядом по выделенным объявлениям.

– Саш, я еще в домоуправлении нашем спрошу, может, им дворник нужен. Тебе же сейчас для справки главное. А потом подыщешь что получше, – предлагает участливо. – Спросить?

– Да я сам схожу. Не надо, – мотаю, активно пережевывая.

– Хорошо, что напомнил... – так и не договорив, она уходит зачем-то.

Возвращается с какой-то котомкой, связанной из мужского носового платка. Узнаю платок сразу. И сердце обрывается.

Но когда она его развязывает, даже и не знаю, как реагировать. Там деньги лежат.

– Вот. Твои. Я не трогала.

Нахмурившись, смотрю на свернутую пачку купюр.

– Ты копил... – напоминает осторожно.

Сильнее брови сжму. Понимаю теперь, что это за деньги. Я тачку хотел купить. Сколько-то накопил. Но по нынешнем временам – это понты, конечно.

– Мам, ну перестань, – теперь я ее взглядом укоряю. – Зачем?

– Бери-бери... – туго связав платок, она убирает его на холодильник к тем деньгам, что я положил. – Обувь купи, оденься. Ты молодой, тебе нужно. А сейчас в таком положении, что только по одежке и будут тебя встречать.

Я с ней не спорю. Я все еще послушный сын, как бы бредово это не звучало. Ем молча. Мысли перемалываю.

Мама за стол садится и смотрит, как я отправляю в топку очередную партию картошки.

– Вкусно? – жмурит заплаканные глаза.

– Как всегда, мам.

– Худой какой... – всхлипывает, жалеючи глядя на меня.
– Ты ешь, ешь, сыночек.

И так смотрит, что мне ничего в глотку не лезет – столько горя и радости отображается на ее осунувшемся лице.

Маме всего сорок восемь. Но выглядит она старше.

Прошло четыре года, а, кажется, что гораздо больше.

Все какое-то незнакомое, жизнь другая. Даже президент новый. В тюрьме про него слышали, конечно, но у заключенных нет возможности голосовать, поэтому я проебал свои первые выборы. С условкой правда, говорят, можно. Я почти что полноценный член общества. Почти что...

Еще четыре года...

На амнистию есть надежда.

Когда меня закрыли, в честь юбилея Победы амнистировали всех с условкой и с УДО. Через год очередная круглая дата. Фортанет – не фортанет.

В любом случае, если не будет косяков, судимость с меня

снимут. Но что потом?

Да тот же тупик.

Специальности у меня нет. Все, что я умею, так это хорошо махать кулаками. Есть, кстати, номер телефона. Один уважаемый человек проявил участие. Но мне пока не до сомнительных протекций. Вчера участковый приходил в десять вечера. Палил, дома ли я. А у меня в ебаном постановлении прописано, что с двадцати двух до шести утра я должен находиться по месту прописки. А там тема с Питером... Пока не вариант.

Завтрак шлифую черным чаем. В тюрьме не чифирил, потребности в допинге не было, однако без крепкого напитка ни один день не обходился.

После на балкон покурить выхожу.

У подъезда белая “девяносто девятая” басами на весь двор бахает.

Играет “Дискотека Авария”.

Докуриваю, жду, надеюсь увидеть, что там за меломан к нам зарулил.

А потом из подъезда выходит Женя с пацаном. Музыка смолкает, и из салона вываливается водитель. Сумки у Андриановой забирает, целует в щеку и на заднее ее с ребенком усаживает.

И я, блядь, понимаю, что меня не должно колыхать, что Женя едет куда-то с другим парнем в выходной, но вот, почему-то, колышет.

6

Евгения

Прикрыв козырьком ладони глаза, смотрю, как в паре метров от берега на зеркальной глади расходятся большие круги.

– Вот как далеко! – хвалю Мишку. – Только прямо кидай, хорошо? Видишь, там дядя плавает? – обращаю внимание сына на плавающих и даю ему наставление: – Туда не кидай.

Вход в воду совершенно безопасный, ни волн, ни глубины, поэтому держать сына за руку нет нужды.

Из-под бдительного взгляда, разумеется, его не выпускаю. Пячусь и опускаюсь на плед рядом с Олегом.

Сын занят тем, что бросает в воду камни. А, учитывая, что весь пляж засыпан озерной галькой, кидать ему ее – не перекидать.

Отдыхающих в субботу много. Все друг на друге почти сидят.

Мы расположились в самой дальней части вытянутого полумесяцем пляжа, огибающего южный берег озера Якты-Куль.

Пляж здесь необорудованный, зато бесплатный. Другие берега давно застроены отелями, санаториями и частными домами. Есть несколько платных пляжей с проходом через дом отдыха, однако этот неблагоустроенный ничейный крошечный кусочек берега по-прежнему является популярным местом отдыха как среди местных жителей из ближайших сел, так и для городских.

Лето, солнце, жара, штиль, вода чистая и прозрачная. Что еще нужно, чтобы с удовольствием провести выходной?

Я бывала тут пару раз, когда в школе училась. С Викой и ее родителями приезжала. И купальник у меня с тех самых беспечных времен остался – желтый, на завязках.

Трусики сидят без нареканий. Но вот верх... Я уже измучилась туда-сюда двигать по нижней тесьме треугольнички ткани, которые больше открывают, чем скрывают.

В юности я не могла похвастаться размером груди, но после родов она заметно в объеме прибавила. И теперь мой вполне приличный купальник превратился в нескромное бикини. Другого у меня нет. Пришлось распустить волосы и хоть как-то прикрыться. Потому что Олег так на меня смотрит... Особенно после того, как я окунулась, и от прохладной озерной воды по моему телу рассыпались густые колючие мурашки, а соски превратились в два крупных острых камушка.

Я чувствую изучающий мужской взгляд даже через его зеркальные очки. Парень полулежит на спине, опершись на локоть. Его голова чуть обращена в мою сторону. Прямо в поле моего зрения вздымается его внушительный пах в плавательных трусах меж раскинутых ног, обильно покрытых коричневыми завитками. И я снова ругаю себя, что забыла дома свои солнцезащитные очки. В них мне бы не пришлось прятать глаза, которые против воли то и дело шарят по телу Олега.

Он хорошо сложен – широкие плечи, мощные бедра, силь-

ные руки. На груди притягивает взгляд темный островок из длинных мокрых волосков, плавно переходящий в узкую полосу, которая тянется прямым за резинку трусов.

Я ни разу не видела так близко парней, в такой позе, в одном белье, и некоторые детали мужской анатомии все еще остаются для меня белым пятном.

Я представляю, как Олег выглядит без одежды, и тут же вздрагиваю.

Олег касается сгибом пальца моей разгоряченной спины, ведет вдоль позвонков и рядом усаживается.

– Голову напечет, – заботливо надевает на меня свою бейсболку.

– Спасибо, – опускаю ниже козырек.

Так и правда лучше. Устала уже жмуриться.

На Мишу смотрю.

Он занят тем, что набирает совком гальку в ведро для песочницы.

Неподалеку молодой мужчина учит держаться на воде своего сына. Мальчик чуть старше Мишки. Его отцу лет двадцать пять. А на плече под зонтом слева от нас сидит девушка – примерно, моя ровесница, – и поит из непроливайки их годовалую дочку.

Семья...

Наверное, со стороны мы с Олегом тоже производим впечатление вполне благополучной семьи. На деле же едва несколькими фразами за все это время перекинулись.

Олег пытается, конечно, наладить диалог, но я, как обычно, сама разговорчивость.

– Мама, смотри, как умею! – горланит мальчик, покачиваясь на воде у отца на руках и активно бултыхая ногами.

Мать укачивает дочку и машет сыну, мол, давай, плавай, не кричи.

В то время как я больше всего на свете желаю, чтобы мой закричал вот так же: “Смотри, мама, смотри!”

Чужому счастью не завидую, нет.

Да и как можно завидовать тому, чего не знаешь?

А мне действительно сложно понять, каково это – быть замужем, иметь полноценную семью, чувствовать надежное плечо мужчины. Что это за ощущение, когда ложишься с ним в постель каждую ночь, а утром – просыпаешься... Про взаимную любовь я и вовсе только в глупых романах когда-то читала. А еще есть то, чего уж я точно лишена по умолчанию – понимания того, что есть на этом свете человек, который любит моего ребенка наравне со мной. Нашего ребенка...

– Жень, пойдешь купаться? – Олег легонько задевает меня своим горячим плечом.

– Я... Нет, посижу. Ты иди.

Олег уходит плавать. Миша возится на берегу с галькой. А в три часа, когда солнце жарит все агрессивнее, и я опасуюсь, что Мишка перегреется, мы едем в одно из летних кафе, которыми изобилует курортная зона.

У входа в заведение, высунув язык и громко дыша, сидит беспородный облезлый пес.

И Мишка мой тут как тут.

– Миша, не надо трогать, – крепче перехватываю руку сына и тяну его в сторону. – Видишь, собачке жарко.

Но Мишка все же успевает проехаться ладонью по загривку пса.

Заходим в кафе, и Олег говорит:

– Давай на веранде сядем, – предлагает не торчать в душном помещении.

– Хорошо, мы сейчас. Руки только помоем.

Идем в туалет.

Миша первым делом нужду справляет – с недавних пор стоя, по-мужски.

Папы у нас нет, а мне в голову даже не приходило, что мальчишек нужно учить таким вещам. И подсказать было некому, как правильно, но мой маленький мужичок сам сообразил. На других мальчишек в садике посмотрел и понял, что и как надо. Дома, хоть и на горшок еще ходит, но тоже стоя и почти без промаха.

– Я мясо заказал, – сообщает Олег, когда приходим. – А тебе что взять, братан? – кивает он Мишке.

Олег так и не понял, что Миша еще не разговаривает.

– Я сама ему закажу, – помогаю сыну взобраться на скамейку. – Миша, посидишь с дядей Олегом? Я быстро.

Чтобы не ждать официанта и ускорить процесс, возвращаюсь в основной зал и делаю заказ у стойки.

С утра Мишка печеньем перебился и сладким чаем. От каши наотрез отказался, пришлось выбрасывать. На обед беру ему домашнюю лапшу, картофельное пюре и котлету. Съест – не съест, да что-то поковыряет.

Расплачиваюсь и сразу назад.

– А Миша где? – с упавшим сердцем озираюсь по сторонам, обнаружив за столом одного Олега.

– А он, что ли, не с тобой? – растерянно спрашивает тот меня.

– В смысле?! – срывается грубое с языка, и я оглашаю на весь зал: – Я же его с тобой оставила!

– Жень... да... он к тебе же ушел! – доказывает мне Олег с самым недоуменным видом.

– Когда?! – кричу в порыве чудовищного раздражения и нарастающей паники.

– Да сразу! – Олег поднимается и шагает в проход между столами, указывая рукой на дверь, соединяющую летник и основное помещение. – Ты ушла, он соскочил, к двери побежал...

– Да, туда-туда он убежал, – подтверждает кто-то из гостей.

Объяснения Олега даже не дослушиваю. В ушах шумит. В мыслях – сплошной ужас.

Несусь через зал с невидящими глазами, кого-то отталкиваю даже. Ведь кафе прямо на трассе находится.

На улицу выскакиваю. Солнце слепит. Оглядываю проезжую часть – все спокойно.

– Простите, вы мальчика не видели? – бросаюсь к открытой двери "Газели", в которой сидит водитель. – В оранжевой футболке и красной кепке... – и сердце подпрыгивает, когда вижу сына.

В тени, с угла здания стоит Мишка, а рядом тот самый облезлый пес хвостом машет. Лечу к сыну со всех ног, на колени падаю, прямо на асфальт, и крепко к себе прижимаю.

– Миша! Господи! Мишка... – шепчу, раскачиваясь с ним в руках.

После пережитого даже язык и небо покалывает. Так сильно я перепугалась. Продолжаю причитать и не сразу замечаю, что рядом с нами возникает коренастая фигура Олега.

– Жень, ты ушла, он за тобой подорвался, я – за ним. На дверь показывает. Я открыл, вижу, ты там у стойки стоишь. Ну он и рванул. Потом там эта официантка... – Олег снова пытается объяснить, как так вышло, что он потерял Мишку из виду. – Я ее пропустил, смотрю, он, вроде как, к тебе...

А мне ни жарко ни холодно от его оправданий. Главное – нашелся.

Когда испуг проходит, конечно, и Мишке попадает от меня.

– Ты почему ушел?! Нельзя одному уходить! Заберут плохие дяди! Тут дорога! Почему не слушаешься?! – крепко держа сына за руку, отчитываю его. Обычно, я менее строга и импульсивна. Всегда стараюсь говорить с Мишей спокойно и не повышать голос. Но сегодня экстренный случай. ЧП! Я же чуть с ума не сошла! Мишка стоически выносит мой разнос, но когда я тяну его за руку, чтобы вернуться в кафе, он упрямится. С места не сдвинешь. – Да что такое?! – опять не сдерживаюсь. Миша опускает голову и кивает на собаку. – Что?! Нет. Собаку мы не возьмем. Нет. Нельзя. Никак. Она чужая. Миша, пойдем. Тебе надо покушать, и мне, и дяде Олегу. А собачке мы принесем потом чего-нибудь, – обещаю, все же смягчившись. Но Мишка продолжает упираться, глядя на бездомного пса, и головой машет. Мол, не пойду, пока... Пока что? Я опускаюсь на корточки, перевожу дыхание и внимательно смотрю на сына. У него виноватый вид, но когда он переводит взгляд на собаку, эмоция меняется. Жалко ему пса. И меня осеняет: – Собачка хочет пить, да? – наконец понимаю, что его беспокоит. Мишка стремительно кивает. В глазах его серых загорается особый огонек. – Да. Жарко ей... – теперь и у меня чувство вины появляется по отношению к страдающему от жажды животному. Я планировала ему после обеда что-то принести, но вот сын ре-

шил, что прежде о собаке нужно позаботиться. Вот и за что его ругать? – Сейчас что-нибудь придумаем, – оглядываюсь на Олега и прошу: – Олег, пожалуйста, можешь сходить купить... Там у них одноразовая посуда есть глубокая. И воды туда налить. Нам надо напоить собаку.

– Сейчас сделаем, – с готовностью подхватывает тот.

И пока Олег ходит за водой, я считаю нужным донести до сына самое важное:

– Миша, ты молодец, что пожалел собаку. Это хороший поступок. Но ругала я тебя из-за того, что ты один убежал. Ты меня очень сильно напугал. Не делай так больше. Не уходи один. Ты понял?

Мишка кивает. А я вижу, что не просто так кивает, а осознанно, с пониманием. Вот просто чувствую и все. И, напоив собаку, сын спокойно дает себя увести.

Мы снова моем руки после пса. Мишин обед приносят. В еде он избирателен, зато ест всегда сам. Бывает капризничает, конечно, как сегодня утром, когда кашу не хотел, но сейчас даже подгонять его не приходится. Сидит ест – тише воды, ниже травы.

– Жень, извини, что так вышло, – произносит Олег. – Я... Блин... Он же вот прямо к тебе шел, – нервно усмехнувшись, он на дверь указывает. – Развел меня, да? – и на Мишу смотрит, качая головой и улыбаясь. Но Мишка игнорирует Олега. И тогда тот осторожно спрашивает: – Жень, ты сильно обижаешься?

– Да перестань. Конечно нет, – спешу его заверить. – Сама виновата. Надо было с собой взять.

– Прости меня, Жень, – Олег тянется через стол и берет меня за руку.

– Да все нормально, – ответно пожимаю его пальцы. – Правда.

Мишка напряженно смотрит на то, как мы касаемся друг друга, а после откладывает ложку и тянет мой локоть. Олег вынужден меня отпустить.

– Ревнует, – он посмеивается над Мишкиной собственнической выходкой.

А я даже не знаю, как и прокомментировать.

При сыне я еще ни с кем вот так за руки не держалась.

Мужчины к нам домой не приходили. Кроме деда, Мишка и не общался с другими.

Олег – первый.

А... Ну еще Саша.

Когда он ту конфету Мишке вручил, я весь спектр эмоций испытала. Но, понимаю, разумеется, что Саша всего лишь проявил внимание. И, я надеюсь, что он ни о чем не догадается, потому что... потому что... Боже. Я даже не знаю, как он отреагирует, если узнает, чей Мишка. А его мама?

Нет. Пусть лучше все остается так, как есть. Не хочу я никому ничего объяснять. Миша – мой. И никто нам не нужен.

– Жень, прости, что спрашиваю, Миша... немой? – Олег наконец озвучивает свои наблюдения, когда Миша жестом показывает, что наелся.

Сначала я хвалю сына: почти весь суп съел и половину второго, и только потом отвечаю на вопрос Олега:

– Нет... Ну, то есть... он пока не разговаривает.

– А как ты поняла, что он хотел собаку напоить? – удив-

ляется Олег.

– Да я же сама ему сказала, когда заходили, что жарко псу.

– А-а... Ясно.

Олег по-новому на Мишку смотрит – с сочувствием и жалостью, почти как ранее Миша на пса того глядел. Миша же словно не замечает Олега. А я знаю, что он игнорирует тех, кто ему не очень нравится.

Все, о чем сын молчит, что чувствует, кого принимает, а кого – нет, я легко угадываю уже по взгляду, мимике и жесту. И такое взаимопонимание мне казалось даже благом. А выходит, что я в него будто и не верю. Ведь я сама не даю ему возможности объяснить. Вот как с собакой. Он даже не обозначил толком своего желания, а я уже все поняла и все устроила.

И снова сердце сжимается в паническом ужасе.

Ведь, если бы Миша пропал, не дай Бог, он бы даже не смог назвать кому-то своего имени.

– Жень, ты совсем грузанулась? – замечает Олег. – Ну прости, Женя...

– Ты не виноват, Олег. Я же сказала, – выдавливаю из себя вполне благодушно.

На Олега я не сержусь. Он правда не виноват, что Миша такой... А я – да.

Педагоги в садике правы. Надо вести его на комиссию. Ведь то, что кажется нормой мне, нормой, увы, не считается.

И мама тоже не в бровь, а в глаз заметила: “Испортишь ребенку жизнь, потом не жалуйся”.

А своим бездействием я и правда могу испортить сыну будущее.

– Ешь давай, остынет, – Олег все тем же виноватым взглядом указывает на мою порцию шашлыка, когда нам заказ приносят.

Съедаю пару кусочков мяса и несколько ломтиков овощей исключительно из вежливости. Аппетита вообще нет. Так перепугалась, что в желудке до сих пор беспокоино. Еще и накрутила себя теперь окончательно.

После обеда кормим пса и снова едем к озеру, но Мишка в

машине засыпает, и мы заезжаем в лес. В тени высоких берез так тихо и свежо. Порхают бабочки, цветами пахнет.

Пока сын спит, я нахожусь неподалеку от машины и собираю для него лесную клубнику. Олег тоже помогает.

Полагаю, он немного не так представлял себе нашу поездку. Но с маленьким ребенком по-другому не получится. И я жалею, что согласилась. Да так хотелось сына вывезти на свежий воздух.

После сончасы снова едем на озеро, где уже находимся до самого вечера.

Жара спала. Народ разъехался. Вода у берега теплая-теплая. Я пытаюсь научить сына плавать. Получается так себе, но воды Мишка не боится. Будь у меня возможность возить его на водоемы, может, и научились бы без всяких "пап". Но транспортом своим я, вряд ли, в ближайшем будущем обзаведусь, и с Олегом больше не поеду, если пригласит – неловко. Зато с сентября в садике должен начаться бассейн. Хочется, чтобы Мишка умел плавать. Хочется, чтобы у него было все-все-все. Ведь я отлично помню, каково это – чувствовать себя чем-то обделенным.

Солнце близится к закату.

На ужин у нас бананы, сок и мороженое. Олег специально съездил. То-то Мишка рад. Только мороженому, а не Олегу.

В город возвращаемся в начале девятого, и по дороге, вымотавшись за день и накупавшись, сын без задних ног отрубается.

Когда во двор заезжаем, я пробую его растормошить. Ноль реакции.

– Не буди. Я возьму его, – шепчет Олег, заглушив двигатель.

– Да я сама.

– На какой тебе этаж?

– На... пятый, – тяну смущенно.

Олег цокает, усмехается и покидает салон, чтобы достать из багажника мои вещи. Беру пакеты, а Олег – Мишку.

Я очень благодарна ему.

Одной мне, конечно же, было бы проблематично поднять-

ся. А с коляской я сколько мучилась? Как вспомню, так вздрогну. Дед помогал, спускал, но назад я старалась всегда сама поднять, чтобы лишний раз не гонять пожилого человека, за что он потом ворчал на меня.

А сейчас мне так странно видеть Мишку на руках у Олега.

– Да не разувайся, так можно, – шепчу ему, когда в квартиру заходим.

Но Олег все равно скидывает кроссовки.

Я снимаю босоножки и ощущаю песок между пальцев.

– Давай мне, – тянусь за сыном.

– Куда его? – Олег настаивает на том, чтобы самому его до кровати донести.

Жестом зову пройти в комнату и указываю на детскую кроватку. Олег бережнее бережного опускает в нее Мишу и выходит в коридор. Я разувая Мишку, стаскиваю с него шортики, снимаю носки. Искупать бы после озера, но разве теперь его добудишься?

Поднимаю спящего сына повыше, чтобы ноги в перекла-

дины не упирались. Мишка у меня высокий – по росту последний коридор. И кроватка нам уже мала. Вот думаю, чем бы ее заменить, откладывая пока деньги понемногу.

– Спит? – шепчет Олег, когда в коридор выхожу.

– Спит. Теперь до утра. Спасибо большое за поездку. Мишке очень понравилось, – улыбаюсь парню.

– Только ему? – подхватывает он, изогнув бровь.

– Мне тоже, Олег, – киваю. – Правда. – Обращаю внимание, что он еще не обулся, и предлагаю: – Может... будешь чай или кофе?

– От кофе не откажусь, – отвечает Олег таким тоном, словно только этого и ждал.

– Проходи на кухню. Я сейчас.

Снова чувствую ступнями песок и в ванную захожу, чтобы быстро умыться и ополоснуть ноги, где с огорчением вспоминаю, что в четверг у нас горячую воду отключили на опрессовку. Я же так мечтала о душе!

И с мыслью о тазике, в котором мне снова предстоит

мыться, уже на кухне набираю в большую кастрюлю холодную воду.

– Ты что-то готовить собралась на ночь глядя? – замечает Олег.

– Нет, – смеюсь. – Воду же отключили. Теперь четыре недели с кастрюлями.

– А-а... – тянет с понимаем. – Блин, да, это жуть. А я отстрелялся уже.

Беру спичечный коробок, зажигаю газ. Сразу две конфорки – для кастрюли и для чайника.

– А ты где живешь? – оглядываюсь и уточняю, сочтя свой вопрос слишком прямолинейным: – В смысле, в каком районе?

– В Ленинском. На Первомайской. Первый, второй курс в общежитии жил, потом снимать начал.

– Ясно.

Пока воду в чайник набираю, усмехаюсь про себя. Мне нет никакого дела до того, что Олег снимает жилье. Но что

бы теперь о нем сказала мама?

За окном сгущаются сумерки.

Ставлю чайник и разворачиваюсь от плиты, чтобы пойти включить свет.

– У тебя плечи красные... – на Олега натываюсь.

Он зачем-то поднялся и за счет своего широко торса теперь занимает половину кухни.

– Да, сгорела, – к столу шагаю, шарахнувшись от него. – Я вообще не умею загорать, сразу как поросенок подрумяниваюсь, и все потом облезит... – мелю что попало под обжигающим взглядом парня. – Такая кожа дурацкая...

Я одета в бриджи и майку, но у меня сейчас точно такое же ощущение, что было на пляже: будто я практически голая. И от того, как Олег смотрит на меня, не только на сгоревших плечах кожу припекает, но и на щеках, и на шее.

– Ты очень красивая, Женя, – наступая на меня, Олег тянется к моей левой руке, перехватывая прямо за браслет. – Сама плела? – с интересом разглядывает мою широкую разноцветную фенечку из мулине.

– Да... – освобождаю руку и к подоконнику пячусь.

– А мне сделаешь? – он снова приближается.

– Олег... – шумно вздыхаю и вздрагиваю, когда за бедра меня обвивает.

– Весь день мечтал тебя поцеловать, – с явным намерением повторить вчерашнее Олег тянется ко мне.

Поцелуй снова выходит слишком мокрым. Мясистый и жаркий язык Олега бесстыдно толкает мой, а ладони шарят по телу. Ощупывают сквозь одежду груди, живот, ягодицы, задевают плечи, и я вскрикиваю:

– Ай...

– Прости, забыл, – шепчет он, часто дыша, и снова целует, обхватив ладонью мой затылок.

– Нет... Нет, Олег... – дергаюсь, когда мне между ног другую ладонь толкает. – Я... Я так не могу... – уже понимаю, что сегодня он не собирается ограничиваться одними поцелуями.

– А как ты можешь? – выдает сипло и возбужденно. – А? Жень?

“Никак, – вертится на языке, – с тобой никак!”

– Тебе лучше... уйти... – бормочу виновато.

– Уйти? – раздражается парень. – Да что я сделал-то?!

И наконец-то отпускает меня.

– Ни-ничего... Я просто не могу вот так... – обхватываю себя руками.

– А как ты можешь?! – уже более предвзято повторяет свой вопрос. – Жень? Что я не так сделал? Обидел чем-то? Или я заставляю? Или, думаешь, что я слов не понимаю? Нет – нет. Нет проблем. Не будем торопиться и все, да? – Я сначала отрицательно качаю головой, а на последнем вопросе киваю. Совсем как мой Мишка. – Я тебе нравлюсь, Жень? Ну хоть немного? – с надеждой шепчет Олег.

– Да... – и снова киваю, боюсь обидеть.

А хочется замотать.

Кто вообще такое в лоб спрашивает?

– Это хорошо, – Олег даже не чувствует, что я не искренна. Он снова меня обнимает и целует за ухом. – Потому что ты мне больше... чем... О тебе только и думаю.

Я пою его растворимым кофе с печеньем. На прощание Олег снова меня целует, но рук больше распускает, а когда он уходит, я думаю о том, какая же я ненормальная, и что меня тоже нужно отправить на какую-нибудь комиссию...

8

Химик

Если человек раскаивается в своих грехах, он может вернуться в то время, которое было самым счастливым для него. Может, это и есть рай?

“Зеленая миля”, 1999 г.

В спальне моей девушки светло несмотря на то, что шторы плотно задернуты. Я лежу и блаженно щурюсь, распластавшись на узкой кровати, пока не замечаю, что Марина уже одевается.

– Марин, нахрена? – тянусь к ней и за плечо сгребая, что-

бы мягко опустить затылком себе на живот. – Давай еще по-
валяемся. Я так соскучился.

Ее мягкие светлые волосы щекочут мне кожу. Толкаю ладонь под еще не застегнутый лифчик и с удовольствием массирую упругие груди.

– Мм-м, – с нежнейшим стоном моя Климова сладко вытягивается.

– Давай еще разок? – рассчитываю на продолжение.

Ведь у нас не было секса уже больше недели. Я то на парах, то на тренировках, то тупо негде.

– Я как на иголках буду, Саш, – жалуется Марина. Повернувшись, она целует меня в пресс. – Вставай. Папа может заехать в любой момент.

– Понял, – я тоже моментально подрываюсь.

Моя одежда в беспорядке свалена на пол. Натягиваю трусы и один носок. Второй, сука, дезертировал.

Приходится опуститься на колени, чтобы под кровать заглянуть. Так и есть. Хватаю носок и сгребаю пальцами ис-

пользованную резинку.

– Дай что-нибудь.

– Ах-ха! – в одном белье, сексуально покачивая бедрами, Марина подходит к столу и приносит мне лист бумаги, в который я заворачиваю презерватив. – Неужели грозный Химик боится, что его застукают без штанов?!

– Не боюсь, – продолжаю одеваться. – Просто я уважаю твоих родителей.

– Знаешь, ты мне очень моего папу напоминаешь.

Марина втискивается в джинсы и втягивает свой и без того плоский живот, чтобы застегнуть пуговицу.

– Сочту за комплимент, – встаю с койки и ремень на своих застегиваю.

– Он считает, что тебя ждет блестящее будущее.

Услышав последнее, отмалчиваюсь.

С постера на стене на меня смотрит Ди Каприо. Угораю. Вот, кого точно ждет блестящее будущее. Наверное, скоро

свой первый "Оскар" получит.

А я не актер. Я боец. Трепаться о том, что еще не сделано, считаю зазорным. Я привык все решать и доказывать на ринге.

Однако на меня возлагают огромные надежды: тренер, мама, друзья, моя девушка. И даже мой будущий тесть.

Приятно, безусловно. Только чьи-то ожидания для меня – не маяк в океане.

Да, я ощущаю ответственность. Но я сам отвечаю за все, что со мной происходит. Как перчатки надеваю только своими руками. То же самое с бинтами – сам принципиально. И об успехах предпочитаю говорить по факту, уже после того, когда рефери поднимет вверх мою руку – руку победителя. Никак не раньше.

Сейчас у меня есть главное – форма и мотивация.

Впереди турнир “Олимпийские надежды”. Следующей осенью на чемпионат России поеду. А это уже будет совсем другое кино.

– Отойди-ка. Заправлю, а то мама зайдет и все поймет, –

хихикая, Марина игриво толкает меня бедром, потеснив у кровати.

Отвешиваю ей шлепок по ягодице.

Она постель застилает. Я усаживаюсь в кресло возле стола, шире развожу колени и тянусь за пультом. Щелкаю кнопкой. На “НТВ” идут новости. Со вчерашнего дня по всем каналам одно и то же – ебаное НАТО бомбит Югославию.

– И продолжая тему переговоров с МВФ... – с напряженным лицом вещает мужик-диктор. – Сегодня министр финансов США Роберт Рубин заявил, что возражения Москвы против ударов НАТО по Югославии не повлияют на ход переговоров России с МВФ. Таким образом он прокомментировал появившиеся в печати сообщения, что отказ российского премьера от визита в США обернется для нашей страны большими финансовыми потерями...

– Саш, на второй переключай! – просит Марина. – У меня там “Дикий ангел”!

Бросаю взгляд на свои “Касио”.

Вот-вот должен начаться ее бразильский сериал. Ну или не бразильский. Я не уверен, какой он там по национально-

сти, но знаю, что в главной роли маячит симпатичная пацанка в красной кепке и полосатой футболке, которая гоняет мяч с босотой.

Жму на вторую кнопку. На “РТР” рекламный блок крутят. Возвращаюсь на “НТВ”.

– Сейчас уже начнется, Саш! – ворчит Марина. Выхватив пульт, сама переключает канал. – Зачем тебе эта политика дурацкая? Ты как папа, Саш, вот правда! Тот тоже не успеет домой зайти, сразу новости смотреть, – она садится на подлокотник и обвивает меня за шею рукой. – Видимо, правду говорят, что девушки подсознательно ищут избранников, похожих на своих отцов.

И это тоже чертовски приятно слышать.

Климов – сотрудник органов. Недавно подполковника дали. Мужик он конкретный, болтать тоже впустую не любит, но в дочери души не чает.

Я первые разы даже стремался в койку вот так среди белого дня с Мариной лечь. Очень уж не хотелось, чтобы ее отец, тогда еще майор милиции, обнаружил меня на месте преступления без трусов в комнате своей единственной дочери. Но где нам еще с Мариной встречаться? У меня – тоже

не вариант.

– Так я твой избранник, правда? – толкаю руку между ее стройных бедер.

– А ты как думаешь?

Марина наклоняется и мягко опускается своим лбом на мой. Ее волосы падают мне на лицо. Пахнет от нее обалденно. Красивая, просто охуеть, какая красивая.

– Я думаю, что очень сильно люблю тебя, Марин.

– А я тебя, Саша...

Мы смачно целуемся. И с ней я больше ни о чем глобальном не думаю. Она тоже про свой сериал забывает. Беру ее сзади, загнав коленями на кресло. Мы даже не разделись полностью. И дело не в предусмотрительности, просто не успели. К счастью, никто нам не мешает. Я штатно отстреливаюсь, а Марина смеется, целует меня, изогнув шею, и называет бешеным и озабоченным.

Что есть, то есть. И после второго раза у меня совсем мозги не крутятся.

Марина смотрит мыльную оперу. А я, стараясь не уснуть, держу ее в своих объятиях.

– Сашенька... Вот так бы целый день вдвоем. И все ночи, а, Саш? – говорит она, словно прочитав мои мысли.

– Так и будет, – обещаю ей. Для себя я уже все решил. – Ты же во мне не сомневаешься?

– Конечно нет, – улыбаясь, Марина головой качает.

– Ну вот. Просто надо немного подождать. Думаешь, мне нравится любить тебя украдкой? Я себя каким-то преступником чувствую. Реально.

– Укради меня, Сашка... – она крепко стискивает мою шею и жарко повторяет: – Укради и люби.

– Обязательно. Осилю тачку, потом с жильем решу. И украду.

– Блин, Химичев, какой же ты прагматик! – разочарованно стонет моя девушка.

– Не угадала. Я романтик. Безнадежный и неисправимый, – целую ее в лоб. – В кино сегодня идем? На что ты там хо-

тела?

– На “Зеленую милю”. Это экранизация Кинга. У нас уже полгруппы сходило! Три часа целых идет.

– Хоть поспать можно будет, – я зеваю, героически борясь со сном.

– Саша! – Марина тормозит меня, накрыв ладонью щеку.
– Говорят, очень интересно!

– И про что там?

– Про тюрьму какую-то.

– Опять с твоим любимым Ди Каприо? – на постер со сценой из “Титаника” киваю.

В прошлом году Маринка трижды в кино на него просилась. Потом я кассету на видак ей подарил, о чем впоследствии очень пожалел. Марина раза четыре точно его при мне пересматривала.

– Нет! Там Том Хэнкс в главной роли!

Серия телемыла заканчивается, по мнению Марины, на

самом интересном. Я только чудом не засыпаю. Мы пьем кофе, и перед сеансом я предлагаю ко мне домой заскочить. Хочу забросить вещи. Не прикалывает меня с сумкой идти в кино. Даром что кинотеатр в паре остановок от моего дома находится. Решаем до него пешком прогуляться.

Дома у меня никого. Но Марину дальше прихожей не приглашаю. Иначе точно на сеанс опоздаем. Оставляю вещи. Херачу на шею “Олд Спайс” – Климовой подарок на Двадцать третье. Ее мама мне из Москвы привезла.

– Обожаю этот запах на тебе, – томно стонет Марина.

Усмехаюсь. На то и расчет.

Целую ее, к стене прижав, одновременно нащупываю выключатель в коридоре, щелкаю и тяну на себя входную дверь.

Я многозадачен прямо как Брюс Ли.

– Саш... – Марина вдруг тормозит мой порыв.

И я допираю, что мы больше не одни. Из соседней квартиры две девчонки вышли. Стоят, глазами хлопают, словно ни разу не видели, как люди целуются.

– Привет, Жень, – здороваюсь с соседкой.

– Привет, – она смущенно глаза отводит.

Примерно, как и всегда. Стесняется меня ужасно, хотя я никаких провокаций в ее сторону никогда себе не позволяю. В отличие от некоторых балбесов.

– Нормально все? – считаю своим долгом спросить. – Не лезет больше?

Давно не видел ее. Пару недель точно не пересекались.

– Ну... да, – кивает Женья, заходясь краской. – То есть... нет, не лезет.

Ловлю на себе внимательный взгляд ее подружки-сви-стушки с коричневыми губами и с трудом сдерживаю снисходительную улыбку. Раскрас у нее, мать моя...

Какие же смешные эти девочки-подростки.

Спускаемся вниз друг за другом. Мы с Мариной за руки держимся.

И уже на улице, когда расходимся по сторонам, Марина

комментирует сцену в подъезде.

– Химичев, да у тебя, оказывается, целый фан-клуб на дому.

– Кто? Где? – угораю и киваю назад. – Эти салапетки, что ли?

– Кто такие?

– Да это соседка моя. Женя. А другая – подружка ее. Как звать – без понятия.

– А она... ничего, – Марина оглядывается.

– Женька? – понимаю, что ее имеет в виду, потому что подруга Жени страшная на лицо как три подвала. – Да она мелкая еще совсем. В школе учится.

– И что это за секреты у вас? – Марина меня в плечо пихает.

– Да, короче... Есть один товарищ, который демонстрирует свою симпатию к девушкам самым примитивным образом...

– О, и ты ее от него защищаешь? – перебивает меня, не дав закончить и объяснить, о ком речь. – Какой заботливый сосед. Надо же, – в голосе Марины проскальзывают ревностные нотки.

– Марин, ты погнала? – не без удивления смотрю на нее.

– Кто знает, кто знает... – то ли в шутку, то ли всерьез отбивает.

– Бросай ерундой страдать, – обнимаю ее за талию и прижимаю к своему боку. – Я тебя люблю. Я так-то жениться на тебе хочу, а ты меня к каким-то малолеткам ревнуешь. И я не понял? – обращаю внимание, что она без головного убора идет. – Шапка твоя где?

– Мне не холодно, – недовольно цокает.

– Не волнует. Быстро надела! – торможу ее и угрожаю: – Или я сейчас свою на тебя напялю! Я не шучу.

Марина достает из сумки шапку, надевает ее, поправляет волосы и бурчит:

– Командир нашелся... – сама же при этом кокетливо улыбается. – Надоел этот тупой март! Весну уже нормальную хо-

чу! – гонит на погоду и берет меня под локоть.

– Ну скоро уже. Будет тебе весна, – обещаю ей по приколу.
– Я узнавал.

9

Александр

Когда ты поднимаешься, друзья узнают, кто ты. Когда ты падаешь, ты узнаешь, кто друзья.

Майк Тайсон

– Когда это ты собаку успел завести? – удивляется Вика, обнаружив в моей прихожей Пса.

Встречая гостью, тот активно виляет закрученным в тугой комок хвостом и долбит им себя по бедру.

– Смотря кто еще кого завел, – усмехаюсь и запираю за девушкой дверь.

– Как это?

Вика разувается, и я объясняю:

– Он сегодня возле “Океана” бегал. На проезжую часть выскочил. Я его схватил за ошейник и перевел через дорогу. Потом оглядываюсь, он следом бежит. Так до самого дома и шел за мной.

Прислушиваясь к моему голосу и глядя то на Вику, то на меня своими умными карими глазами в чуть косоватом разрезе век, Пёс треугольные уши забавно сводит и дурашливо склоняет морду в бок.

Окрас у него двухцветный: спина, хвост и голова, за исключением небольшого участка вокруг пасти и носа – черные, все остальное – белое. Еще на лбу крошечное белое пятно, напоминающее каплю, имеется.

Красивый, молодой, игривый кобель. Лайка.

Я не особо разбираюсь в тонкостях собачьих пород, но, кажется, что Пёс является представителем русско-европейской породы. И еще я уверен, что жил Пёс в семье с маленькими детьми. Он сам все равно, что ребенок.

Навскидку ему месяцев семь-восемь. Ласковый и доверчивый – пиздец. Дружелюбие пять из пяти. Дрессуры ноль. Гадит там, где приспичит. И я чувствую, что еще немного, и этот активный парень разнесет мне всю хату.

Мама ушла утром на сутки и Пса еще не видела.

В детстве она не очень жаловала домашних питомцев. Кошек-собак в дом не разрешала приводить. Даже не знаю, как теперь отреагирует.

Лайка – не комнатная собачка. Линяет, требует много пространства, а лает так, что оглохнуть можно.

– Хочешь его оставить? – вот и Вика явно сомневается, что идея привести Пса домой была удачной.

– Ну а куда его теперь? Напишу объявления. Расклею по району. Объяву в газету дам. Видно же, что домашний. Ухоженный, – тянусь к Псу и треплю его по загривку. – Будем искать твоих. Да, морда?

На руке остается несколько жестких волосков, и я стряхиваю их на пол, планируя пропылесосить квартиру утром до того, как мама придет.

– И как ты его назвал? – спрашивает Вика.

– Никак. Просто Пёс, – пожимаю плечами. Рассчитываю все же найти его хозяев. Уверен, что где-то без него кому-то

сейчас очень грустно. Поэтому смысла придумывать кличку своему временному постояльцу не вижу. – Проходи, – сообразив, что задержал девушку в пороге, приглашаю ее в комнату.

С пакетом и сумкой в руках Вика прямой наводкой в мою спальню направляется.

Как-то сама уже сообразила, что на диване в проходной комнате, где спит мама, делать ей нечего.

Я достаю из джинсовки коробку презервативов и следом за ней иду.

– Откроешь, Саш?

Вика покачивает за горлышко бутылку вина, обхватив ее своими худыми пальцами с длинными голубыми ногтями.

– Давай, – забираю бутылку и выхожу.

Из “стенки” достаю хрустальный рифленый бокал, ополаскиваю его на кухне. Штопор не ищу. Вино, как и любой другой алкоголь, с уходом отчима у нас никогда не водилось.

Забиваю в пробку старый ключ. Как говорится, сила есть

– ума не надо.

Пёс, надеясь, что ему снова что-то перепадет, услужливо виляет хвостом и обнюхивает меня.

Вкручиваю ключ, игнорируя кобеля. Но тот не унимается.

– Не сочиняй, – легонько отпихиваю его коленом. – Волки в брюхе больше не воют? – спрашиваю и сам же отвечаю: – Не воют. Вот и все. Место!

“Место” я ему определил в прихожей. Даже бросил старый коврик.

Но Псу любая команда до лампочки. Избалованный – жуть.

И я не жадничаю, наоборот – опасаясь, что плохо станет. Тонну еды сегодня проглоту скормил. Поэтому позже еще и выгулять его не помешает.

Дергаю пробку и возвращаюсь в спальню. Чтобы Пёс не мешал, дверь закрываю. Наливаю в бокал красное.

– Держи, – протягиваю девушке.

Вика сидит на моей койке, закинув ногу на ногу. На ней короткая джинсовая юбка и такая же короткая футболка с надписью на английском: “Да” – на груди; “Нет” – на спине.

– А себе? – забирает бокал.

– Нет. Я не любитель, – пячусь к тахте, стоящей наискосок от кровати, и роняю на нее пятую точку. – И с утра на работу.

Сделав глоток, Вика облизывает губы и оживает:

– Ты знаешь, я могу поговорить с...

– Не надо, – грубо обрываю ее.

– Да я же помочь хочу, Саша! – удивленно глаза выкатывает.

Типа, ты нормальный – нет?

– Не помню, чтобы я тебя об этом просил, – вполне спокойно встречаю ее очевидную попытку донести до меня, что работа дворника мне не подходит.

– Ну как знаешь, – Вика обиженно губы надувает, тянет вино и после недолгого молчания заносчиво произносит: –

Если тебя все устраивает, дело твое, конечно.

И так цепляет меня ее выебистый тон, что я делаю свой максимально жестким:

– А тебя, я смотрю, что-то не устраивает?

– Да нет... – девушка растерянно пожимает плечами. – Почему? Я же просто...

Я снова думаю о том, что с Викой надо заканчивать. Слишком дохера она себе позволять стала. В последний раз, три дня тому назад, ночевать осталась. Утром мне завтрак предложила сделать. Но я сказал, что опаздываю. Мама должна была вот-вот вернуться. Я не хотел, чтобы она видела Вику. А еще я вспомнил ее, вспомнил, откуда ее знаю. Новикова – не обычная шалава. Она не так проста, какой хочет казаться. И это напрягает.

– Иди сюда, – провожу ладонью по обивке дивана справа от себя.

Вика поднимается. Сделав глоток, ставит бокал на стол и медленно направляется ко мне.

– Как ты хочешь, а? – на колени опускается и снимает с

себя футболку.

Я шире бедра развожу, разглядывая ее классные сиськи в черном лифчике.

– Даже не знаю. Напомни-ка, что умеет этот рот...

Тянусь к девушке, толкаю между ее губ, намазанных розовой липкой херью, большой палец и даю себя пососать.

Вика сжимает губами фалангу, отводит назад свои волосы и с готовностью хватается за мой ремень.

На самом деле, мне не принципиально – как. Я просто больше не стану трахать ее в своей постели. И дело не в чистоплюйстве. Я всего лишь хочу обозначить свои личные границы.

Но понимаю, что поздно спохватился. Потому что после секса, когда мы с Викторией курим на балконе, она ошарашивает меня своим вопросом:

– Саш, а хочешь, я к тебе перееду?

Если у вас найдётся минутка, напишите, что особенно запомнилось в истории. Мне очень важно узнать ваше

мнение: каждая мысль — это новый взгляд на мир, который я создавала.

10

Александр

Спросив, Вика нервно курит.

На ней моя футболка, которую она без спроса натянула на голое тело.

Я медленно затягиваюсь, толкаю в пепельницу окурок и, выпустив дым в сторону, высекаю:

– Нет.

Отчетливо, ясно и категорически.

Разворачиваюсь, а Вика бросает мне в спину:

– Почему?

Игнорирую. В комнату возвращаюсь. Вика почти следом заходит.

– Почему, Саш?! Нам же хорошо вместе!

Я раздражен ее настойчивостью, граничащей с откровенной бесцеремонностью, но все же стараюсь проявить такт.

– Видишь ли, я здесь не один живу. Это, во-первых. А, во-вторых... – ловлю на себе ее требовательный взгляд и решаю: в жопу такт. – Вик, ты же не думаешь, что вот то, чем мы тут с тобой занимаемся, имеет какой-то особый смысл? – на диван, где десять минут назад отымел ее, киваю.

– А разве нет? – вздернув бровь, Вика сводит руки под грудь.

– Нет. Мы просто ебемся, – режу цинично. – Без всякого смысла.

– Ну ты-то... – хмыкает Вика, – да.

– Не нравится, как я трахаю? – отражаю тут же.

– Отношение твое не нравится, – предъявляет мне с разобиженным видом.

– А... – толкаю с вызовом. – Тогда у меня возникает вполне логичный вопрос... Какого... хера... ты тут... забыла? – с расстановкой проговариваю.

– Ну и мудака же ты, Химичев! – вскрикивает уязвленно.

Я сохраняю хладнокровие. Как на ринге. Пять из пяти.

– Да.

– Манда! – вылетает у нее, кажется, машинально.

Я усмехаюсь, глядя на рот, который недавно трахал, и рас-
поряжаюсь:

– Футболку мою снимай, собирайся и уматывай.

– Что ты сказал?! Выгоняешь меня?! – вспыхнув, глаза свои узковатые тарашит. – Да ты... – задыхается от гнева и обиды. – На, блядь! Подавись! – Сдергивает с себя футболку и швыряет ею в меня, однако та не долетает и падает на пол. – Ты попутал так со мной себя вести?!

– Я веду себя так, как ты позволяешь.

– Серьезно?! – взвизгивает, словно пчелой ужаленная. – Да пошел ты!

Дернувшись и заправив волосы за уши, Вика из вороха

одежды, сваленной в углу дивана, нервными движениями выхватывает свое белье.

– Помнишь, ты хотела, чтобы я тебя вспомнил? – ввора-чиваю все также ровно, пока она трусы натягивает. – Я тебя вспомнил. Ты с Женей раньше дружила. С моей соседкой. А теперь делаешь вид, что, типа, не знаешь ее, – разъясняю, что еще с ней не так помимо того, что она тупо никуда мне не уперлась.

– Что?! – девушка затравленно глядит на меня и даже оде-вание приостанавливает. – Ты совсем, что ли?! Я не делаю вид! Просто... – растерянно разводит руками. – Просто так получилось... При чем тут она вообще?!

– Как получилось? – придираюсь к ее уклончивому отве-ту.

Вика сначала застегивает лифчик, а затем раздраженно выпаливает:

– Да она сама со мной общаться перестала! Когда залете-ла неизвестно от кого сразу после школы! Как будто я ей ви-новата, что она кому-то дала себя обрюхатить или что она никуда не поступила! А я ее еще жалела! Сколько раз я при-ходила к этой психованной, а дед ее меня выпроваживал! А

потом мне надоело перед ней стелиться! Не хочет – не надо!
Вот и все! С тех пор мы с ней никак!

Я потерянно смотрю в пространство перед собой, пытаюсь представить Женю в тот период.

Не поступила... Дала обрюхатить... Залетела сразу после школы.

Блядь. Это вообще не про Женьку.

Она же девочкой была. Если бы не... Сука!

Я шумно выдыхаю. Вика разъяренно пыхтит, продолжая одеваться. Смотрю на красный диван, который давно пора отправить на свалку.

Она не в курсе.

Вика точно не знает, что произошло в этой комнате тем ранним дождливым утром после их с Женей выпускного. Женя ей не сказала. О том, что случилось после, так или иначе знают многие. Но тунашутайну Женя сохранила.

И теперь у нее ребенок.

Я не хочу думать о том, чей он. Я не могу!

– Почему “психованной”? – из Викиной ебаной тирады мой мозг неожиданно выделяет именно это.

– Да потому что, – вызывающе, с гонором тянет она слова.

– Нормально можешь сказать? – требую.

– А ты на запястье ее посмотри, раз так переживаешь за соседку! – язвит Вика.

И у меня на лбу и спине мгновенно липкая влага выступает.

– Она... Она... что... – боюсь озвучить, но, кажется, все и так ясно.

Женя пыталась сделать это с собой.

– Да! Ее на скорой увозили. Весь квартал на ушах стоял!

– Ясно... – Сажусь на кровать, и сам не понимаю, как мимо не падаю. Крышу рвет. В душе пиздец тотальный. Я тупо киваю. Один раз, другой и повторяю хрипло, с надломом: – Ясно. – Поднимаю на Вику взгляд. Она оделась. В сумке

своей роется. – А от меня-то что тебе надо было? – пытаюсь выяснить напоследок.

– Да в смысле, что мне надо, Саш?! – оглянувшись, оскорбленно выкрикивает.

– Ну вот ты мне и объясни... – сглатываю, задвигая мысли о Жене в дальний угол. К ним я вернусь. Мне с ними жить. Но с какого бока я понадобился ее бывшей подружке? – Я не пойму тебя просто. Ну, да... то есть, ты дала свой номер, ты приходишь ко мне вот уже почти месяц, раздвигаешь свою рогатку и все такое... – не ограничиваю себя в выражениях. – Но зачем? Ты реально на что-то надеялась? Или что? Зачем это тебе?

– Да пошел ты! – орет Вика, хватая свое барахло.

– Ну... – замечаю, кивнув на дверь, – уйдешь все-таки ты.

Вика швыряет сумку обратно на диван.

– Охреневший просто! Ты сам-то кто такой?! Зэк вонючий! Рано тебя выпустили из тюрьмы! Рано! – и она ко мне тоже больше на ластится.

– А чё ты тогда таскаешься к вонючему зэку каждые два

дня? – отбиваю мрачно.

Не хочется признавать, но ее пренебрежительное “зэк” достигло цели. И Вика следом докручивает:

– Урод! И правильно, что она тебя не дождалась!

– Кто?

– Мариночка! Бывшая твоя! – с довольным видом сообщает. – Ты знаешь, она замуж вышла?! Почти сразу!

– Знаю, – без эмоций вывожу.

– Так тебе и надо! – отгружает все также любезно и на окно указывает: – Твой предел теперь – вон! Дворы подметать и бычки собирать после алкашей!

Вика испепеляет меня взглядом – злая, обиженная и опостылевшая.

– Я выслушал твое авторитетное мнение, – начинаю вполне культурно и следом добиваю максимально доступно: – А теперь съебалась из моего дома и дорогу сюда забыла. И пузырь свой забери, – киваю на початую бутылку вина на столе.

– Забрать?! – вспыхивает Вика. К столу подлетает и запускает пузырь в противоположную стену. – Вот тебе! Понял!

Бутылка с громким звоном разбивается, а ее содержимое вместе со стеклом разлетается по комнате красными каплями и мелкими осколками. Обоям пиздец. По стене стекает кровавая жижа.

– Ты бы голову полечила! – подорвавшись, ору я вслед выбегающей из спальни Вике. – Течет чердак с децл!

– Да пошёл ты в жопу! – прилетает мне на прощание.

Вскоре хлопает входная дверь.

Я недолго разглядываю последствия Викиного визита и принимаюсь за их ликвидацию.

Пёс все время путается под ногами, и, закончив с уборкой, я обращаюсь к нему:

– Ну что, Пёс? Пошли мозги проветрим? – предлагаю ему прогуляться. Тот склоняет голову и машет хвостом с видом “говно-вопрос, мужик, погнали”. Меня прикалывает с ним разговаривать, и в прихожей я делюсь с ним мужской мудростью: – Мой тебе совет, дружище, не подпускай к себе на

улице кого попало.

Пса выгуливаю в овраге между возвышенностью с тротуаром и зарослями кленов с обратной стороны нашего дома.

Как мама раньше говорила: “Не было печали – купила баба порося”.

– Хорош рыть! Нельзя! Ты пёс, а не крот, – опускаюсь перед ним на корты, чтобы убрать из-за уха прицепившийся репейник. Любвеобильная морда толкается в меня своим мокрым носом и тихо поскуливает. И такая тоска в собачьих глазах плещется, что я моментально прощаю Псу обоссанный коврик. – Как ты потерялся? Не знаешь? Я вот тоже.

А я глобальнее, чем потерялся. Я больше не знаю, кто я.

На прошлой неделе встретил одноклассника – Антоху Бужаева. Лучшими друзьями со школы были. Он тоже боксом занимался какое-то время, потом ушел в борьбу. Мы с ним в универ поступили на одно отделение. С девушками знакомились тоже – вместе. Не разлей вода кентами считались, в общем. И думалось мне, что так будет всегда. А тут встретились: “Здоров. Как сам? Ну бывай”. И ему словно даже руку мне в падлу было пожать. Я это заметил. А он заметил, что я заметил.

Вот такой лучший друг.

Нет, я его понимаю. Времени прошло немало. У нас теперь, пиздец, насколько разные интересы, жизненный опыт, мировоззрение, цели на будущее и возможности в плане их достижения.

Я знал, что так и будет. Смирился, что меня никто не ждал – ни друзья, ни любимая. Одна мама. Но даже на ее счет были сомнения. И теперь мне стыдно за свои черные мысли. А еще я переживаю за нее очень. Моментами мама блаженную напоминает, особенно когда про Бога говорить начинает. Но, возможно, именно вера помогла ей справиться. Успокаиваю себя тем, что она ходит в обычную церковь, а не попала под влияние каких-нибудь сектантов с разноцветными брошюрами, которые те с лучезарными улыбками раздают прохожим.

О том, что Марина уже как три года замужем, я узнал непосредственно от нее самой. Она мне письмом все популярно изложила. И я даже благодарен ей за честность и смелость. А Климов, конечно, наебал меня, сука...

Но и его я тоже понимаю. Какой нормальный отец захочет, чтобы его единственная дочь ждала жениха с зоны, а потом

вышла за уголовника и родила от него?

Я без претензий.

Часть срока отсидел. Остальное как-нибудь на воле домо-
таю. Без друзей, без невесты.

Как выяснилось, у дружбы и любви есть свой срок давно-
сти.

У чего его нет, так это у чувства вины. И свою мне ничем
не искупить.

– Эй?! Как там тебя?! Пёс! – одергиваю кобеля, заинтере-
совавшегося чужим дерьмом. Своего же мало за сегодня
сделал. – Нельзя! То есть... Фу! Фу! – налагаю категориче-
ский запрет.

Пока этот археолог в ошейнике совершает в кустах рас-
копки, все сильнее натягивая бельевой шнур, который зав-
тра планирую заменить на поводок, я обращаю взгляд на од-
но единственное окно на пятом этаже.

“...Залетела неизвестно от кого сразу после школы... да-
ла себя обрюхатить... никуда не поступила... на запястье ее
посмотри... на скорой ее увозили...”

В груди ощутимо простреливает.

Я боюсь представить, в каком аду Женя побывала, пока я считал душевные муки исключительно собственной прерогативой. Но ей-то за что это все?

А ещё Женя точно слышала, как Вика разьебала бутылку – стена у нас общая.

Черт с ними, с обоями, но эта чокнутая могла ребёнка напугать. Самое время спать его укладывать. И перед Женей неудобно. Решит, что я совсем уже конченный. Надо бы зайти извиниться.

11

Александр

Вини себя или же не вини никого.

Марк Аврелий

На кнопку звонка давить не решаюсь. Трижды негромко стучу и терпеливо жду. Прислушиваюсь. Пёс тоже замирает, усевшись на задние лапы.

В дверном глазке вспыхивает свет. А на площадке горит до того мутная лампочка, что я, на всякий случай, говорю:

– Это я, Жень. Саша.

Пёс оживляется, услышав щелчок замка. Тяну его подальше от двери, когда перед нами появляется соседка.

Женя открывает дверь в коротком голубом халате и с полотенцем на голове.

– Привет...

– Привет, Саша... – с вопросительной интонацией роняет.

– Извини, что поздно. Я просто видел, что у тебя свет горит на кухне. Из ванной тебя вытащил, да?

– Нет. Я как раз вышла, – Женя поправляет вырез и без того глухо запахнутого на груди халата.

Под достаточно плотной тканью проступают очертания груди и сосков. Соски у нее крупные. А еще от Жени пахнет яблочным шампунем.

Не знаю, на кой хер моему мозгу эта информация, но он

продолжает ее обрабатывать. По этой причине я стою и молчу, как последний идиот.

Женя ответно скользит по мне растерянным взглядом. В темно-карих глазах и смущение, и легкое замешательство. У Андриановой красные щеки и мокрые ресницы. Я уверен, если к ней прикоснуться, то на ощупь она окажется очень горячей.

И я совсем некстати вспоминаю, насколько жаркими у этой девушки могут быть слезы, и то, как сильно она дрожала, когда я держал ее в объятиях в первый и последний раз.

– Малой спит? – толкаю с хрипом.

– Да, – кивает она. – Уснул.

– У меня тут недавно... – подбираю слова, чтобы прокомментировать кипиш, который навела в моей комнате Вика, – шумно было. – Очевидно же, что Женя и крики ее тоже могла слышать. – Не напугался твой пацан?

– Ну... – Женя отводит взгляд и деликатно замечает: – Было неожиданно.

– Прости, пожалуйста, Жень, – качая головой, приношу

самые искренние извинения. – Это... – не хочу вдаваться в детали, которые, думаю, ей совершенно не интересны, но заверяю: – В общем, это была разовая акция. Больше такого не повторится.

– Ладно, – девушка высоко вздергивает брови. – Я же ничего не говорю, – и стреляет глазами по сторонам.

Предполагаю, что ее удивил мой визит. Но я не мог не зайти и не извиниться. Кроме того... Это повод, чтобы увидеть ее.

– И я тут собираюсь ремонт сделать в ближайшее время, – предупреждая о своих планах, на висящую вдоль тела правую руку внимание обращаю. Кажется, с ней все в порядке. – Постараюсь потише.

– Ремонт – это... хорошо, – одобрительно выводит Женя.

Пёс дергается вперед, намереваясь обнюхать ноги девушки, и я осаждаю его, взяв за ошейник:

– Нельзя. Сидеть, – шиплю на шилозадого.

– У тебя появился новый друг?

Улыбаясь Псу, Женя сама перед ним опускается и бесстрашно тянет руки. Ослабляю хватку и позволяю Псу приблизиться.

– Постоялец, – отвечаю на ее вопрос, пока Пёс отвечает девушке щедрую порцию телячьих нежностей. – Он потерялся.

– Бедненький, – жалеючи проговаривает Женя, натягивая на оголившиеся ноги свой халат.

Я зависаю на ее белых коленках и гладкой коже ног и вспоминаю, как выглядят ее бедра чуть выше.

Прокашливаюсь.

Смотрю на левую руку девушки с бирюлькой, сплетенной из разноцветных ниток. Браслет широкий. Очень широкий.

Женя поднимается, на ходу заправляя и поправляя все, что можно.

– Не знаешь, где у нас тут поблизости можно распечатать объявления? – с самым беспечным видом спрашиваю. – Попытаюсь найти хозяев.

– Я могу сделать на работе, – с готовностью отзывается. – У нас там есть компьютер и принтер. Сколько нужно копий?

– Так... – прикидываю. – Штук тридцать? Много?

– Я спрошу. Если мне разрешит администратор, я завтра сделаю.

– Ты бы меня очень выручила, Жень. Потому что писать от руки я бы застрелился.

– А какой текст набрать?

– Да, точно...

Опускаю взгляд на Пса.

– Может, зайдешь и запишешь? – Женя зовет меня к себе.

И ее приглашение – воплощение простодушия.

– Ладно. Давай... – киваю тоже без всякого левого умысла. – Сейчас только Пса заведу.

Оставив Пса в квартире, велю ему ждать меня на “месте”. Не факт, что так оно и будет, но пока найденыш живет в мо-

ем доме, расслабляться я ему не дам.

Женя встречает меня уже без полотенца. И когда я прохожу мимо нее, яблочный аромат ощущается более ярко.

– Так...

Недолго пялюсь на тетрадный лист в широкую линейку и приступаю.

По ходу сочинения усмехаюсь себе под нос.

Так странно. Странно, что в маляве не надо писать “от осужденного”. Это как рефлекс. Статья. Среди ночи разбудила меня, отчеканю.

Пишу, зачеркиваю, исправляю.

“28 июля в районе площади “Мира” была найдена собака, кобель, предположительно, русско-европейская лайка. Окрас черно-белый. Возраст – 7 – 10 месяцев. В ошейнике...”

Проверяю.

По русскому у меня всегда были тройки. Ну не отклады-

вались в моих извилинах, которые мне периодически встряхивали в зале и на ринге, все эти тонкости правописания. И теперь мне стремно, что я мог допустить ошибки, и Женя прочтет и узнает, какой я грамотей.

– Вроде, готово, – пробежавшись глазами по листу, по столу им двигаю, располагая перед Андриановой. – Сойдет?

Женя опускается на стул, склоняется и изучает мою писанину.

– По-моему, все, как надо, – кивает. И если там и есть какие-то недочеты, она об этом вежливо умалчивает. – Только я бы еще дописала что-то, типа, “он очень хочет вернуться домой” и восклицательные знаки. И покрупнее шрифтом, – предлагает сделать объявление более броским.

– Супер, – подхватив Женину идею, во всем на нее полагаюсь: – Сама допишешь?

– Хорошо.

Мы смотрим друг на друга.

Я понимаю, что дело сделано, и мне пора, но не могу заставить себя подняться. У Жени в глазах мелькает легкая па-

ника.

– А как у тебя дела... вообще? – коряво задвигаю.

– Все нормально, – роняет она дежурное.

– Ты всегда так отвечаешь.

– А что мне отвечать? – Женя хмурится.

– Поговорим?

– О чем? – ее взгляд становится острым.

– Об этом, – я наклоняюсь к ней и беру за запястье левой.

Женя в шоке смотрит на наши руки и неожиданно оглядывается.

По коридору шлепают босые маленькие ноги.

– Миша, ты чего вскочил?! – Женя выдергивает руку и подпрыгивает, чтобы встретить сына. – Спать надо. Завтра в садик, – приближаясь к нему, она бескомпромиссно бросает на ходу: – Саша, мне тоже завтра рано вставать.

Понимаю, что выпроваживает. И то, что я до хера себе позволяю – тоже осознаю.

Но раз уж я здесь...

– Я сейчас, разумеется, уйду, Жень. Только на вопрос один ответ, ладно? – Она поворачивается, и я удерживаю ее взгляд своим. Женя заметно нервничает, сжимая сына за плечо. Извилистые и окольные пути – не мой стиль. Я не люблю ходить вокруг и без лишних церемоний спрашиваю: – Миша... он чей?

Переключаюсь с Жени на пацана, а тот в свою очередь смотрит прямо на меня, исподлобья, дерзко, неустрашимо. Я узнаю этот непочтительный взгляд.

Взгляд родного человека.

Он является мне в картинках из прошлого, мерещится в поздних сумерках, когда я остаюсь один в своей спальне, преследует ночью в липких кошмарах. А теперь я столкнулся с ним наяву.

И я бы мог даже ее ни о чем не спрашивать. И так понятно.

Сын Жени – живое напоминание о грехе, который я со-

вершил.

Каиновом грехе.

12

Евгения

– Как у тебя дела... вообще?

Склонив голову, Саша смотрит на меня из-под хмурых темных бровей. У него на лбу собралась глубокая морщинка. Узкие губы вытянуты в непреклонную линию. Колени разведены. Ладони лежат на бедрах.

Вид у мужчины сосредоточенный, взыскательный, дотошный даже.

– Все нормально, – и я совершенно теряюсь от перемены в его настроении.

– Ты всегда так отвечаешь, – в Сашинем тоне сквозит холодок.

Недоверчивое мерцание глаз тоже очень напрягает.

– А что мне отвечать? – огрызаюсь под давлением его

взгляда.

И сразу же начинаю чувствовать себя проштрафившейся и загнанной в угол.

– Поговорим? – Саша прищуривается.

Я ерзаю, и подо мной поскрипывает стул.

– О чем? – ощетиниваюсь.

Ведь у меня, конечно же, есть предположение.

Удерживая мой взгляд, Саша наклоняется.

– Об этом.

Не сразу понимаю, что он имеет в виду. Саша держит мою руку, перехватив пальцами запястье с фенечкой.

Ох, ясно.

У меня вмиг от лица вся кровь отливает. По лбу и щекам ползут противные мурашки.

Я не хотела, чтобы он знал. Но кто-то ему рассказал. Воз-

можно, мама. Или Вика. Или кто-то из соседей или общих знакомых. Да кто угодно!

На меня же потом все смотрели, как на местную сумасшедшую. Но никто из них не знал причины моего поступка. А Саша, конечно, уже все понял. А если нет, то вот-вот поймет.

Я продолжаю смотреть на наши руки. Кожу жжет под слюем ниток и мужскими пальцами. Меня куда-то засасывает.

Я не хочу здесь находиться. Это не со мной. Это не я.

Но Мишкины шаги в коридоре возвращают меня к реальности. Хватаюсь за них, как за спасательный круг. Освобождаю кисть, подскакиваю со стула и сквозь мутную дымку вижу, как сын заворачивает на кухню.

– Миша, ты чего вскочил? Спать надо. Завтра в садик, – не чувствуя пола под собой, иду к сыну, а незваному гостю по пути намекаю: – Саша, мне тоже завтра рано вставать.

И каким-то чудом мой голос звучит ровно и достаточно требовательно.

Внутри же меня всю трясет.

Прижимаю Мишу к бедру и в теплое плечико его пальцами вцепляюсь. Удивительно, но сейчас мой маленький сын становится мне настоящей опорой.

На Сашу не смотрю демонстративно. Даю понять, что ему тут больше нечего делать. Только он не спешит проявлять свою воспитанность, которую раньше на контрасте с поведением его брата я считала чем-то невероятным.

– Я сейчас, разумеется, уйду, Жень, – напряженно проговаривает Саша. И я заставляю себя взглянуть на него. – Только на вопрос один ответь, ладно? Миша... он чей? – Саша на Мишку взгляд опускает и за секунду в лице меняется.

– Мой, – крепче сына к себе прижимаю. – Но... ты все правильно понял.

Не нахожу смысла дальше юлить.

Бледный Саша медленно кивает, не сводя с Мишки потрясенного взгляда. У него на горле прокатывается крупный кадык. Я вижу, как тяжело ему дается эта новость.

– Мама не знает? – едва слышно спрашивает.

– Чья?

– Наша... – громко сглотнув, исправляется: – Моя мама.

– Никто не знает. И никто не должен, – уже без всякого смятения смотрю на него. – Помнишь, ты мне обещал?

– Конечно я все помню, Женя.

– Ладно, – отрезаю сухо. – А теперь уходи.

– Жень... – с мученическим выражением, Саша головой качает.

– Давай не при ребенке?! – выпаливаю агрессивно.

Пусть кто-то и считает, что Мишка – не такой, как другие, но я то знаю, как остро он все чувствует. Он маленький, но не глупый. И мне обидно, что Саша этого не понимает.

– Извини... Жень. Я просто... – Саша поднимается с виноватым видом. – Мне надо было удостовериться.

– Зачем?! – стараюсь сдержаться, но все равно на крик срываюсь. – Тебя это не касается! Как есть, так есть! Я ничего ни от кого не прошу! Не надо лезь в нашу жизнь! – тре-

бую от него. Плечо сына ощутимо напрягается под моими пальцами, и он бросается вперед прямо на Сашу. – Миш... Миша! Ты что?!

Прежде чем я оттаскиваю его от Саши, сын успевает ударить взрослого мужчину кулаком чуть выше бедра.

Господи... Мне так стыдно!

А Саша чему-то улыбается.

– Правильно, Мишка. Маму всегда надо защищать, – он еще и одобряет его выходку, приближаясь и опускаясь на уровень Мишкиного роста. – Отличный удар. Хук называется. Ты – молоток. Мужик настоящий.

– Перестань, Саш! Чему ты его учишь?! – Химичева отчитываю и на сына переключаюсь: – Нельзя так делать, Миша! Бить – это плохо! Дядя Саша хороший! Он наш сосед. Он в гости пришел. А ты дерешься.

– Вообще-то, мама права. – Слава Богу, Саша меня поддерживает. – Просто так кого-то бить – это плохо. Но у меня вот тоже мама есть. И если бы кто-то ее обижал, я бы тоже ему надавал. Только я не обижу твою маму. Она у тебя очень хорошая и добрая. Самая лучшая, да?

Я отворачиваюсь и к окну отхожу. В горле дрожит комок.

Мне нелегко видеть Сашу и понимать, чего я лишаю Мишку – общения с его близкими. Нормальными близкими.

Саша продолжает говорить с ним – спокойно, взвешенно, доходчиво, по-мужски:

– Давай, я сейчас пойду, а ты ложись в кровать. И мама ляжет. Если ты не будешь спать, она – тоже. А ей завтра на работу. А еще, когда спишь, то растешь. Вот завтра встанешь и уже побольше будешь. Видишь, я какой высокий. Спал много. Ну давай, сосед... Ничего у тебя хватка. – Догадываюсь, что Мишка сподобился пожать Саше руку. – Жень, закройся, – долетает до меня вскоре.

Когда Саша тихонько хлопает защелкой, я запираюсь за ним и опадаю спиной на дверь.

Мишка сонно бредет в комнату и без лишних напоминаний забирается в свою кроватку, с которой я сняла переднюю стенку.

Я перевожу дыхание и плетусь в ванную, чтобы расчесаться перед сном.

В комнате ставлю будильник. Кроваткудвигаю к своему дивану. Сын сразу засыпает, а я ворочаюсь и ворочаюсь.

Я не обижу твою маму. Она у тебя очень хорошая и добрая. Самая лучшая, да?

Время третий час ночи, а я лежу и прокручиваю в голове каждое Сашино слово, каждый взгляд, интонацию. Пытаюсь понять, что он ко мне почувствовал, когда узнал, чей Миша.

Только бы не жалость. Это так унижительно.

Я помню, как Саша жалел меня, как успокаивал, вытирал слезы, как обещал, что у меня все наладится. А ведь ему тогда самому было в разы хуже. Да и сейчас не легче.

Мои мечты пошли прахом, но у меня есть сын, которого я люблю больше жизни. А что осталось у Саши?

Я, конечно, думала о том, что, когда Химичев вернется, у него могут появиться вопросы. Я этого боялась. Миша, хоть и светленький, очень похож на меня, но порой как глянет его глазами, и сердце останавливается. Вот и Саша рассмотрел.

Что теперь будет?

После третьего урока мы с Викой идем в столовую. Ну как идем? Нас просто уносит туда лавиной голодающих.

В буфете километровая очередь. Самые умные, как обычно, толкаются и лезут без очереди, или передают монетки впереди стоящим, громко озвучивая заказы. Мне прилетает сбоку. Максим Шарафутдинов ударяет меня локтем, когда сует кому-то над нашими головами свои дурацкие копейки.

– Упс, я тебя не заметил! – не особо заморачиваясь с извинениями, горланит парень.

Он здоровый, как шкаф. Я по сравнению с ним – гном гномом. А еще Максим – не самый вежливый тип на планете. Грубоват. Простоват. Хорошими манерами не изуродован. Но есть и похуже. Гораздо хуже.

Я потираю пылающее ухо и проверяю золотую сережку в виде сердца. На левой у меня слабая застежка, и она то и дело расстегивается. А мне бы не хотелось лишиться украшения. Ведь это мои единственные серьги – дедушкин подарок на шестнадцатилетие.

Сережка на месте, но я ворчу:

– Чуть ухо не оторвал!

– Жень, я же нечаянно! – напирая на меня сбоку, грохочет увалень. Голос у него до того низкий, что ушам неприятно. – Давай, что тебе взять? – Максим таким образом предлагает загладить свою вину.

– Не надо, спасибо, – мотаю головой. – Я сама.

Отстояв очередь в буфете, мы с Викой берем чай в стаканах и по булке с посыпкой. Сесть негде. Прибываемся к подоконнику, быстро жуем, запиваем и на выход. Мне нужно до звонка еще успеть в туалет зайти, а Вике – покурить. Она недавно начала. И теперь вместе с другими курящими одноклассниками бегают за школу на большой перемене.

Мы идем по коридору, собираясь разойтись по сторонам в самом конце, как Вика неожиданно хватает меня за локоть. Сжимает так, что больно становится.

– Смотри! Химик! – всполошенно шепчет мне в ушибленное ухо.

Я морщусь и нахожу взглядом Сашу. Он идет со стороны спортзала в компании нашего завуча и учителя физкультуры.

Вика к стене меня тащит. Мы становимся прямо под стендом с планом эвакуации, и она не сводит с Химичева фанатичного взгляда. В то время как я, наоборот, отворачиваюсь и стараюсь не попасться ему на глаза.

Опасаюсь, что Саша может подойти поздороваться, и я буду снова стоять и умирать от смущения, не в состоянии связать пары слов. А у меня уже и так сердце бьется чрезвычайно быстро. Дышать тяжело.

Я не хочу в этом даже себе признаваться, но это факт: Саша Химичев – хроническая причина моей тахикардии.

Вот не вижу его, и все нормально. А как увижу, в организме происходит катастрофа.

– Интересно, что он тут забыл? – взволнованно шепчет Вика.

– Саша сегодня проводил открытый урок в начальной школе, – нехотя ей сообщаю.

– И ты мне не сказала?! – она, ожидаемо, набрасывается на меня с претензиями. – Еще подруга называется!

– Я забыла, – бормочу виновато.

На самом деле, я бессовестно лгу.

Все я помнила, а Вике нарочно не сказала, потому что знала, что она обязательно воспользуется случаем и отправится искать Сашу.

– Ну капец! – недовольно бурчит она и следом восторженно выдыхает: – Бли-на, ну какой же он симпотный! Я бы ему на грязном асфальте дала!

У меня вспыхивают щеки от ее последнего заявления – грубого и неприятного.

Я не хочу смотреть на Сашу. И без Вики отлично помню, какой он – взрослый и красивый. Однако меня словно магнитом тянет, и я оглядываюсь.

Сашу обступили со всех сторон: Зоя Яковлевна – его первая учительница вместе с классом. Саша улыбается ей, кивает, что-то рассказывает. Его спортивная фигура возвышается над остальными, и я отворачиваюсь от греха подальше.

– Ну, Женька! Как ты могла забыть, а?! – цокает Вика, продолжая отчитывать меня.

– А ты бы что? В началку пошла на урок? – дразню ее.

– Надо было бы, пошла! – отбивает она горделиво. – А ты как узнала? – и внимательно прищуривается, глядя на меня.
– Когда ты с ним общалась?

– Я с ним не общалась! – глаза к потолку возвожу. Добивают ее непонятные подозрения и обязателька сообщать, когда я видела Сашу, что он мне сказал и все такое. – Я просто слышала на английском, как Ерохин говорил Пфафенроту, что, типа, его брат настолько тупой качок и все мозги ему отбили, что его назад в первый класс посадили, – передаю почти дословно то, что ненароком подслушала на английском.

Мы с Викой в разных подгруппах, а со Стасом, к сожалению, в одной.

– Арррр! Какой же Ерохин гаденыш! – взрывается Вика.
– Не понимаю, как у их матери могли родиться два таких разных сына?!

– Да... уж.

Мне тоже не раз приходил в голову этот вопрос.

Саша и Стас вообще не производят впечатление братьев.

У них разные фамилии. Саша – темноволосый, Стас – блондин. У них есть небольшое внешнее сходство – глубоко посаженные глаза и вытянутая форма носа, как у матери. Только у Саши он с горбинкой – последствия перелома, а у Стаса – просто длинный и противный.

Противный – это, в общем-то, можно сказать про всего Ерохина.

– А где их отцы? – любопытствует Вика.

– Я не знаю. Ни разу не видела, чтобы к ним приходил кто-то... Я имею в виду, кто-то... – я сбиваюсь с мысли.

В серо-голубых глазах подруги вспыхивает ярость.

– А эта сивая тварь что тут забыла?! – шипит она, меняясь в лице. Снова оглядываюсь. Вижу Марину рядом с Сашей. Все знают, что они в одном классе учились, правда встретиться начали только в одиннадцатом. Так что неудивительно, что Марина сопровождает сегодня своего парня на меро-

приятии. – Вцепилась, смотри! Как будто отнимут! – Вика, конечно, не в восторге от наблюдаемой картины.

И когда Саша с Мариной минуют нас, даже не обратив внимания, я наконец могу свободно вздохнуть.

– Она его стопудово приворожила! – психует Вика, глядя вслед известной на всю школу парочке.

– Вик, да что ты городишь?! – смеюсь.

Так глупо это все звучит.

– Да! Точно! – Вика убеждает меня. – Мне в деревне Настька-сестра рассказывала, что ее подруга приворожила парня на месячных.

– Как это? – я даже близко не могу представить, о чем речь.

– В вино добавила и дала ему выпить, – объясняет Вика.

И вот теперь я все в красках представляю. К горлу подступает тошнота.

– Фу! Бли-и-ин! Меня сейчас вырвет!

– Зато действительно.

– Что... прямо влюбился в нее тот парень? – недоверчиво смотрю на Вику.

– Да. И женился. Дети у них.

– Бред. – Я снова представляю мерзость с вином. – Фу, Вика! Зачем ты мне это рассказала?!

– Женщины и не такое делают, чтобы удержать своё, – категорически отражает Новикова.

– Ничего не хочу знать! Молчи! – предупреждаю подругу, что подобные темы меня угнетают и плохо влияют на мою пищеварительную систему.

И, вообще, в бабушкины сказки я не верю.

Да и Марине не нужны никакие привороты. Она и Саша – оба красивые и популярные. Идеальная пара.

После уроков Вика снова в гости зовет.

Мы, как обычно, забегаем ко мне. Я переодеваюсь, беру

пару тетрадей, а также пихаю в сумку книгу вне школьной программы, чтобы вернуть Викиной маме. Дедушки дома нет, и я оставляю ему записку.

– Слушай, Жень, а у нас тут мышь повесилась, – оповещает Вика, когда уже дома в свой холодильник заглядывает. – Предки вчера ходили в гости, и маман моя не приготовила ничего. Есть бомж-пакеты. Будешь? – она открывает шкаф, где стопкой лежат несколько упаковок с лапшой быстрого приготовления.

Мой дед называет ее “китайской” и считает чуть ли не самой токсичной отравой в мире, поэтому никогда не покупает.

– Да не надо ничего, Вик. Давай чай просто. Я взяла шоколадку, – достаю из сумки плитку “Сударушки”.

– Нет! Как это не надо?! Хочешь опять в обморок упасть от голода?! – заботливо протестует Вика.

Да, был случай. В феврале я рухнула прямо в коридоре во время перемены.

В тот день шли какие-то особо болючие месячные, и я сама не поняла, как потеряла сознание.

Меня потом медичка школьная к врачу участковому отправила. Я сдала анализы, и выяснилось, что у меня низкий гемоглобин. Дед меня теперь откармливает: печенку каждую неделю сам лично готовит.

– Я же не от голода упала, – запоздало реагирую на Викин импульсивный выпад.

Я не нищенка. Не голодаю. У меня просто анемия. От нее я пью препарат железа.

– А я есть хочу! – Вика подхватывает с полки пару пакетов с лапшой.

– Если хочешь, давай я что-нибудь приготовлю?

– Совсем, что ли? – Вика смотрит так, словно у меня не все дома.

– А что такого? Я могу.

– Делать больше нечего! – фыркает она.

Я не настаиваю, но предлагаю вымыть посуду. В раковине стоит сковорода и утренние чашки с недопитым чаем. Вика

не возражает. Она не любительница что-то делать по дому.

Но я ее не осуждаю.

"Не ищи недостатков в доме, где тебе открыли дверь".

И в каждой семье свои устои.

В нашей с дедом – уборка на мне. И, как правило, готовлю тоже я, с тех пор, как в школе домоводство началось. Дедушка, конечно, сам все умеет, но я же уже взрослая. И готовка мне нравится. Еще бы шить научиться, как Викина мама.

После перекуса остается еще немного времени до начала "Дикого ангела". Я сажусь за химию, планируя быстро с ней разобраться, а Вика идет в коридор и болтает по телефону со своей двоюродной сестрой, пересказывая ей сегодняшний визит Саши в школу.

Мне кажется, она уже всем, кому можно, поведала о своей неразделенной любви.

– Вик, а где моя тетрадь по истории? – закончив с химией, ненадолго отвлекаю ее от столь важного разговора.

– В столе посмотри.

Я не люблю рыться по чужим шкафам, но выбора нет. Открываю верхний ящик, а за ним и другие. Нет нигде моей тетради.

– Вика, тут нет! – кричу ей из спальни.

– Значит на полке!

Проверяю полку над письменным столом и замечаю знакомый корешок тетради. Тяну ее, плотно сдавленную учебниками, и вместе с моей выскальзывает другая – общая, в красной обложке, на кольцах. Шмякнувшись на стол, она распаивается где-то на середине.

Я уже тянусь, чтобы закрыть ее, но взгляд упирается в подчеркнутую волнистой линией строку.

"Вызов возлюбленного".

У Вики очень красивый почерк – буква к буквке. Она у нас стенгазеты классные оформляет. И все тетради ведет безукоризненно. Но эту я вижу впервые.

И я знаю, что поступаю некрасиво, но читаю дальше:

"Закройте все шторы на окнах, постелите платок на стол, зажгите свечу, волосы должны быть распущены, сядьте у стола и читайте:

"Жду тебя, как голодный обеда, как нищий – подаяния, как больной – выздоровления. Посылаю за тобой трех ангелов-гонцов: Габриеля, Зазеля и Фариеля. Пусть без тебя они не вернуться. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь".

Переворачиваю страницу и выхватываю глазами еще один абзац.

"Я не свечу зажигаю, а душу и сердце зажигаю раба Александра по мне, рабе Виктории, навсегда. Аминь"... Жечь девять раз..."

Мне становится не по себе, когда я понимаю, что оказалось в моих руках. Это что-то вроде книги с заклинаниями, куда Вика выписывает обряды, которые, вероятно, уже совершала.

Переворачиваю еще пару листов и тупо пялюсь на взятый в рамочку столбик:

Александр

Саша

Сашенька

Санечка

Сашуля

Сашка...

Вика исписала именем Саши и его вариантами полстраницы. Каждый – отдельным цветом.

И теперь наш разговор про привороты обретает новый смысл.

Я захлопываю тетрадь, оглядываюсь, но зачем-то снова открываю.

На внутренней стороне обложки наискосок красиво и аккуратно выведено:

“Химичева Виктория Сергеевна”.

14

Александр

Вера – это согласие воли с совестью.

Лев Толстой

Вернувшись с работы, обнаруживаю на холодильнике напечатанные, аккуратно разрезанные и сложенные стопкой объявления.

– Женя заходила?

– Заходила, заходила, – мама на стол накрывает. – Днем еще.

Я раскрываю бумажки веером. Их гораздо больше, чем я просил.

На каждой посередине крупно и жирно напечатано:

“ПЁС ОЧЕНЬ ИЩЕТ СВОЕГО ХОЗЯИНА!!!”

Не думаю, что Женя тоже нарекла моего хвостатого квартиранта Псом, однако такое совпадение забавляет.

Складываю листовки, наваливаю Псу щедрую порцию собачьего корма и только затем сажусь за стол.

Пёс со мной сегодня снова провел на улице все рабочее время. Развлекал меня, отвлекал, обляял всех встречных кошек и собак, чужого дерьма чуть не нажрался, но в любом случае не бездельничал и ужин свой честно заслужил.

– Хлеб бери, – мама тоже садится и двигает ко мне хлебницу, бросая мимоходом: – Жалко ее.

– Кого? – с аппетитом приступаю к трапезе.

– Женечку – соседку. С Николаичем-то ей легче было. Все помощь и родной человек, – протяжно вздыхает мама.

– А где у нее... кто? – осторожно вставляю. – Парень там или кто-то вообще был?

– Чего не знаю, того не знаю. Никого не видела.

– А мать ее где?

И это не праздное любопытство.

Мне важно понять, как жила все эти годы и чем теперь живет и дышит Женя.

Чем я могу ей помочь?

– Мать... – скептически повторяет за мной мама. – Прости, Господи, опять сужу, – мама осеняет себя крестом прямо за столом, воздев глаза к потолку. – Иван Николаевич ей был и матерью, и отцом. Ну Лена-то приходит, вижу ее. Забирает мальчонку, сидит, пока Женя работает. А все равно тяжело девочке одной. Уж я знаю, как одной бывает. Она еще совсем молоденькая. А мальчишка какой шепутной. Ну его-за! – усмехается. – Вот не разговаривает только. Переживает она конечно.

Я киваю. Мама подтверждает мои наблюдения.

Заметил уже, что малой у Жени не из болтливых. И, насколько я знаю, и брат мой поздно заговорил. Наследственность или нет – без понятия. Однако не могу не признать, что мама права. Жене непросто одной воспитывать сына.

Парня на "девять-девять" я больше не видел. Вернее, видел, как он привозил ее в потемках, и Женя сразу покидала салон. Водитель не выходил, хотя уезжал не сразу, ждал кого-то. Как теперь понимаю, Женину маму.

Наверное, это о чем-то да говорит. Но Женина личная жизнь – не мое дело. А вот Миша – мое.

По прошествии двух суток я адаптировался к мысли о том, что ее пацан родней мне приходится, хотя все эти годы даже в голову не приходило, что у той ночи могут быть последствия в виде ребенка.

Я не понимаю, как Женя все это вывезла. Откуда в ней столько силы? Откуда?

И она бы совершенно точно предпочла, чтобы никто ни о чем не узнал. Только я так не могу. Я не могу жить через стенку от ее пацана, встречать его на улице и делать вид, что я просто какой-то левый дядя.

А мама...

Если бы она знала, что у нее есть внук, возможно, она бы стала хоть немного счастливее.

А пока что все ее радости и утешения – молитва.

Я не противник веры. Но мама живет так, словно служение людям в своем хирургическом отделении и Богу – это все, что ей осталось. А бы все отдал, чтобы в ее жизни снова появились самые обычные человеческие вещи.

Только как объяснить, чей Миша?

Женя не допустит, чтобы мама узнала правду. Да я и сам считаю, что это плохая идея.

Правда маму доконает.

Старший сын – братоубийца, а младший...

Да, так я бы мог хоть как-то оправдать себя в маминых глазах наконец, но ей от этого легче уж точно не будет. И никому не будет...

– Будешь добавку? – предлагает мама.

– Нет, спасибо, – с удивлением обнаруживаю, что в тарелке пусто. Как съел, не понял. К мойке посуду несуду и сообщаю о планах на вечер: – Пока не поздно, пойду обои дообдираю.

– Оставь, Саша, я помою!

– Да седи, мам, – открываю кран.

– Ты это правильно решил с ремонтом, сынок, – одобрительно подхватывает она, повернувшись на стуле ко мне лицом. – У меня что-то все... Я туда и не заходила почти.

Могу ее понять.

В спальне, что мы делили с братом, и сейчас можно обнаружить напоминания о нем.

Его диван. Его стопка “Плейбоя”, спрятанная в нем. Его постеры над ним с “Агатой Кристи”. Его кассетник. Его эспандер и четки, которые он вечно таскал при себе для понта.

И это так удивительно, что кажется абсолютно чудовищным: вот все его вещи по-прежнему на месте в целости и сохранности, а его самого нет и не будет.

– Мам, можно я диван в спальне выброшу? – спрашиваю ее, перекрыв воду.

Мой вопрос виснет в тишине.

Я напряженно смотрю маму. Опасаюсь, что поторопился. Что для нее этот гребаный диван и остальное – не просто мебель и барахло, а все, что осталось отееребенка.

– Да что ты спрашиваешь, Саша? Делай, как надо, – мама словно даже удивляется, что я спросил разрешения.

А я не могу не спрашивать.

“Не тобой положено – не тобой возьмётся” – неписанный на зоне закон.

Трогать и распоряжаться чужими вещами там – табу.

И я все еще живу по тюремным привычкам.

Первые дни, кроме своих вещей, вообще ни к чему не прикасался. Да и сейчас еще привыкаю к тому, что я в своем доме и могу распоряжаться всем, как считаю нужным. Что я могу распоряжаться собой.

Поэтому меня дико бесило, когда Вика что-то брала или перекладывала без спросу в квартире, где я сам себя не считаю полноправным хозяином.

– А одежду я в церковь унесла, – потухшим голосом проговаривает мама. – Все собрала и унесла. Тебе бы не стоило... Ты попроще носишь, да ты и повыше, а Стасик франтить любил... – мама смотрит в пустоту невидящим взглядом.

В горле встает комок.

Месяц спустя стало чуть проще реагировать. Ну как проще?

Я сжимаю кулаки и незаметно перехожу на режим дыхания “в бою” – короткие и глубокие вдохи носом и длинные выдохи ртом. Стараюсь абстрагироваться в этот момент, чтобы чувство вины, боль, ярость на себя и на него побыстрее прокипели и снова растеклись внутри черным несмываемым мазутом.

Но на этот раз мама сама меня переключает:

– Ты бы присмотрелся к ней, Саш, – звучит как совет.

– К кому? – нахмурившись, расслабляю мышцы.

– К Женечке.

Снова не догоняю.

Мелькает мысль, что мама что-то поняла про ребенка. Ведь я же понял.

Не сказать, что пацан на брата похож, но что-то в нем определенно есть знакомое. И это даже не бунтарский взгляд исподлобья, а нечто на невидимом уровне. И я уверен, если

бы Мишка был старше и мог сказать мне пару ласковых, он звучал бы очень убедительно. Ведь "бунтарь" – это не манера говорить, а способ донести свою точку зрения.

Стас это умел.

Но мы же сейчас не ребенка, которого он заделал Жене, обсуждаем...

– А что мне к ней присматриваться? Я Женю с детства знаю.

– Я в другом смысле, – мама откашливается и отводит взгляд, явно смутившись.

– А... В другом, – не без удивления допираю, о чем речь.
– А зачем?

– И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному... – глядя на меня глазами, полными боли и любви, она цитирует Библию.

И мне больно. Адски.

Сокрушает ее взгляд. Максимальная сила удара. Если бы она с ненавистью на меня смотрела, обвиняла, проклинала,

инстинктивно я бы мог встать нутряком в оборону. А так – без вариантов.

Пропускаю. Пропускаю. Пропускаю.

– Мам... – умоляю.

– Да я так, Саш. Она одна. Ты один... – вздыхает и снова крестится: – Да на все промысл Божий, сынок. На все Его воля.

И пока я срываю остатки старых обоев вместе с газетами под ними за восемьдесят седьмой, окончание нашего разговора все не идет из головы.

На все промысл Божий. На все Его воля.

15

Евгения

Я надеялась, что он придет, хотя сама же выгнала Сашу в прошлый визит.

Я не желала продолжать наш разговор, но ждала Сашу. Очень ждала, тревожилась и ломала голову над тем, что он думает обо всей этой... ситуации.

Объявления я еще во вторник распечатала. Но сразу занести не осмелилась, да и поздно было, а вчера все-таки решилась.

Дверь открыла Сашина мама. Мне, как всегда, было очень волнительно видеть ее – женщину, от которой я скрыла, что она стала бабушкой.

Саша ей не сказал и не скажет. Я в нем уверена.

Он смолчал даже тогда, когда в правде был хоть какой-то смысл. Для него.

Сейчас его нет. Саша отбыл свое наказание, не воспользовавшись шансом на смягчение приговора. Мою просьбу исполнил и пожалел свою маму. И я не знаю человека благороднее, мужественнее и надежнее, чем Александр Химичев.

Разумеется, что и тюрьма наложила свой отпечаток на его характер.

Саша стал угрюмее, тверже и уже не так со мной церемонится. Но и я давно не та наивная девочка, по уши влюбленная в своего взрослого соседа-спортсмена.

Говорят, что выпускной вечер – это дверь во взрослую жизнь.

Для меня он оказался лифтом без света и кнопок, в который я зашла, а вышла там, где оказаться не планировала.

Но то, что пережил Саша, и что до сих пор переживает он и его мама, мне даже представить страшно. Они оба этого не заслужили.

Единственный, кто должен был мучиться и нести наказание, лежит в земле. Но я и его не могу ненавидеть. Смерти я ему бы не желала. А уж Саша точно этого не хотел.

И когда Химичев появляется на моем пороге в пятницу вечером, я успеваю себе проесть плешь, пытаюсь понять, как мне теперь с ним общаться.

Мне срочно нужен новый лифт, только с кнопками и безопасный. Я хочу понимать, что будет дальше.

– Привет.

– Привет.

Мы здороваемся. Я – натянуто, а Саша, как всегда, веж-

ливо и доброжелательно.

На Саше новые темно-серые джинсы и черная футболка. В руке пакет.

Сама перед ним стою в белых носках с подворотом, ведь умудряюсь мерзнуть даже летом. И на мне опять тот дурацкий махровый халат, из которого я выросла лет в двенадцать. Выбросить жалко, да и ему сносу нет. Выцветший после многих стирок халат едва попу прикрывает, и на груди приходится сильнее его запахивать, потому что в лифчике она кажется еще больше.

Но сегодня я хотя бы в лифчике... И Сашатудане смотрит.

Зато я всего его разглядела, буквально расстреляв глазами. У него влажные волосы. Наверное, недавно вышел из душа. А в прошлый раз было наоборот...

Саша выглядит так, словно собрался на свидание.

Ощущаю аромат мужского парфюма. И у него чисто выбрито лицо. Не то, что у Олега. Тот теперь взялся отращивать, типа, брутальную бороду и усы, и ужасно колется, когда целует меня на прощание.

В самих поцелуях ли дело или в их исполнителе, но мне с каждым разом все меньше хочется этим заниматься. А я не знаю, как сказать, чтобы не обидеть человека. Ведь мы с Олегом встречаемся.

И мне он правда нравится... Но еще я помню, что бывает по-другому, когда мурашки по телу и глупые бабочки в животе.

Вот как сейчас. С Сашей.

– Спасибо за объявления. Пёс тебе офигеть как благодарен, – юморит он.

– Да не за что, – я сдержанно улыбаюсь и киваю. – Передай, что я желаю ему как можно скорее попасть домой, – и у меня тоже получается пошутить.

– Обязательно.

– Ты уже все расклеил?

– Почти. Большую часть сегодня утром. Пока тихо.

– Как твой ремонт?

– Сильно достал, да?

– Нет.

– Все ободрал. Осталось обои поклеить.

– Ясно...

Виснет неуклюжая пауза. В тишине лестничной клетки отчетливо слышны звуки мультфильма, который смотрит Миша.

Мы с Сашей переглядываемся, понимая, что беседуем ни о чем. Он кривовато улыбается. Я смущенно опускаю ресницы, чувствуя себя в его обществе привычно глупо.

И это просто никуда не годится!

С нами столько всего случилось. Прошло четыре года. Я стала женщиной. Я стала матерью. Но несмотря ни на что по-прежнему начинаю дико тупить, когда вижу Сашу.

“Пожалуйста, скажи уже что-нибудь!” – мысленно прошу, осмелившись снова взглянуть на него.

Саша реагирует, словно приняв мой внутренний посыл с

исполнению. Выражение его лица становится жестче и серьезнее.

– Жень, поговорить надо, – требовательно проговаривает. И я даже напрячься не успеваю, как он вворачивает тоном, не терпящим возражений: – Ты сама знаешь, что надо. Пригласишь? – на дверь кивает.

И если бы это был не Саша, а кто-то другой, я бы велела ему идти куда подальше со своими властными замашками. А с ним я так не могу. Я его уважаю.

– Проходи, – пячусь и толкаю ладонью дверь.

У меня в животе завязывается беспокойный узел, ведь я догадываюсь, зачем он пришел.

– Можно к нему? – спрашивает Саша, разувшись.

А игрушка, которую он достает из пакета, лишь подтверждает мои опасения.

Я киваю в направлении комнаты. Саша проходит, я следом плетусь, но притормаживаю в пороге, чтобы не мешать.

– Здоров, Миш, – Саша протягивает Мишке руку, и сын

без дополнительных подсказок сует в большую Сашину ладонь свою маленькую. – Вот. Это тебе, – Саша вручает ему коробку с джипом на пульте управления. – Можно, Жень? – спохватившись, на меня оглядывается.

Переминаясь с ноги на ногу, крепко держу халат на груди.

– Конечно. Большое спасибо, дядя Саша, – последнее для Миши четко проговариваю.

– На здоровье, – подхватывает гость. Мишка нетерпеливо скребет и трясет коробку, желая добраться до машинки, и Саша предлагает: – Давай открою.

– Сделать тебе чай или кофе? – я в свою очередь вспоминаю о гостеприимстве.

– Чай можно, если несложно.

Пока Саша учит Мишку управлять джипом, ставлю чайник. Тот свистит, и я завариваю чай на газу.

По кухне расплывается терпкий аромат. Я накрываю заварник “петухом”, сшитым мной и подаренным деду на шестидесятипятилетие.

Грелка вся в коричневых пятнах от чая, стирай-не стирай. Знаю, что давно следует выбросить, но мне все жалко.

К чаю ставлю вишневое варенье, которым меня Настя угостила, достаю печенье и сахар. Больше и нет ничего.

Мелькает мысль, что не мешало бы переодеться. Но я не успеваю. Саша присоединяется ко мне на кухне.

– Тебе с молоком? – оглянувшись, спрашиваю.

– Без. И покрепче. – Он опускается на то же место, что и в прошлый раз – на стул у входа. Я тянусь в шкаф за чашкой в своем коротком халате и замираю на полпути, слушая Сашино твердое волеизъявление: – Жень, я хочу присутствовать в жизни Миши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.